

НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ СОВЕТСКОГО НАРОДА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ
СОТРУДНИКОВ НГТУ —
УЧАСТНИКОВ
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ,
ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА,
БЛОКАДНИКОВ

Министерство образования и науки Российской Федерации
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ
СОТРУДНИКОВ НГТУ – УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙ-
СТВИЙ, ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА, БЛОКАДНИКОВ

НОВОСИБИРСК
2004

ББК 63.3(2)622
Н 155

Составитель *Э.Н. Колмакова*, директор музея НГТУ

Н 155 Навстречу 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне: воспоминания о войне сотрудников НГТУ – участников боевых действий, тружеников тыла, блокадников. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2004. – 80 с.

Сборник содержит воспоминания сотрудников НГТУ – участников войны, тружеников тыла, блокадников. Молодость их пришлось на трудные годы войны, но они с честью выдержали все, что выпало на их долю. Ветераны поделились всем пережитым с читателями этого сборника.

ББК 63.3(2)622

© Новосибирский государственный

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	4
Алексеев Ф.П.	5
Баркан Н.М.	7
Белин С.М.	9
Белоусов Е.А.....	10
Богомолов К.И.....	12
Буслов Ф.В.	15
Васюков Н.И.	17
Вересов В.Г.	19
Волков П.И.....	22
Гаврилова З.В.	24
Гордеева А.В.....	27
Григорьев В.М.	30
Дрокин В.Н.	33
Калачева Л.Л.....	34
Кожевников Ф.А.....	38
Колкер И.Г.	39
Кострикова Р.И.....	42
Котов В.И.	44
Майдан Н.А.....	48
Мащенко В.И.	50
Мурзина Л.М.	53
Муругов М.С.....	55
Орехов А.К.....	57
Основич З.А.	60
Панасенко Л.П.	62
Пашков И.А.	64
Пусеп А.О.	66
Сбоев В.В.	67
Трифонова Л.С.	70
Упольников А.В.	72
Устинова Э.А.	73
Чикова Н.И.....	75
Юхатов И.П.....	77
Послесловие.....	79

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Настоящий сборник посвящается 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Величие тех дней неповторимо. Их невозможно ни забыть, ни очернить, ни воссоздать. Никогда не изгладятся из памяти народный подвиг фронтовиков, тружеников тыла, страдания ленинградцев, переживших чудовищные дни блокады города.

Победным дням 1945 года предшествовали тяжелые годы страшной, кровопролитной войны, жесточайшие испытания для всего нашего народа. Поколению 1920-х годов выпала большая честь – с оружием в руках защищать свою Родину. Статистика, а она бесстрастна и жестока, говорит, что из каждых 100 парней рождения 1921, 1922, 1923 гг. в живых остались только по 3 человека.

С большим напряжением трудился тыл, обеспечивая фронт всем необходимым. За станками стояли в основном женщины, подростки, даже дети.

В нашем университете работали около 300 участников войны. Но время неумолимо... Большинство из них ушло из жизни.

Сегодня в живых осталось 54 человека. Состарилось и поколение подростков, трудившихся в тылу. На учете в Совете ветеранов нашего университета сейчас 245 тружеников тыла.

В связи с приближением 60-летия Великой Победы мы попросили некоторых из них рассказать, как и где им пришлось воевать или трудиться в тяжелые для страны дни 1941–1945 гг.

Свидетельства очевидцев, участников событий для истории – бесценны.

Поэт Семен Кирсанов писал:

Четыре года длился бой,
Сражался фронт, трудился тыл
Все человечество собой
Народ советский защитил!

Федор Поликарпович Алексеев
1923 года рождения. Полковник
в отставке. Воевал на Сталинградском,
Центральном и I Украинском фронтах

23 июня 1941 г. я добровольно пошел в Красную Армию. Был направлен в Горьковское артиллерийское училище. Мы были хорошо подготовлены для стрельбы не только по самолетам, но и по наземным целям с закрытых огневых позиций. Нас учили при стрельбе учитывать износ стволов и метеорологические факторы. Эти навыки пригодились в декабре 1942 г. при стрельбе по наземным целям.

Первое боевое крещение я получил еще в ноябре 1941 г. в г. Горьком, где из числа курсантов нашего училища был сформирован зенитно-артиллерийский дивизион. Мы принимали боевое участие в отражении немецкой авиации, бомбившей Горький.

В 1942 г. закончил училище и был направлен для стажировки в воинские части, участвовавшие в боевых действиях в Сталинграде.

В Сталинграде наши огневые батареи находились в черте города. Ситуация была очень тяжелая, приходилось вести бои с пикирующими на батареи вражескими самолетами Ю-87. По сути, велась война нервов. Крайне трудно выдержать и продолжать бой, когда прямо на батарею пикирует самолет, сбрасывает бомбы, обстреливает из пушек и пулеметов, и все это под вой сирен. Напряжение – невероятное. Во время одного из боев я был ранен в ногу. В каждом таком бою мы теряли людей и технику. В перерыве между боями я помогал артиллерийскому мастеру восстанавливать орудия.

Через 2,5 месяца меня отозвали в Москву. После сдачи государственного экзамена мне присвоили воинское звание лейтенанта и направили в Тульский дивизионный район ПВО. Здесь я проходил службу, в должности командира огневого взвода. В 1943 г. наша 8-я батарея своим ходом направилась в г. Орел для воздушного прикрытия железнодорожной станции и аэродрома.

После освобождения Киева наша батарея в полном составе, со своим вооружением влилась в состав формируемой 82-й бригады 7-го корпуса ПВО. В Киеве до конца боевых действий я служил в должности командира огневого взвода, а затем – командира зенитной батареи.

Нельзя не сказать, что почти 50 % личного состава приборных и орудийных расчетов составляли женщины.

Помню такой случай. Однажды я захватил в плен двух немцев. Питание наше было тогда скудным, поэтому по поручению командира батареи лейтенанта Кецко я пошел наловить рыбы в озере. Неожиданно я увидел под кустами двух немцев. Быстро выхватил гранату и крикнул; «Хенде хох!» Они подняли руки. Я привел их на батарею, где их разоружили и допросили.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги» и др.

После окончания войны проходил службу в Одесском зенитно-артиллерийском училище, а с 1956 по 1970 гг. работал на военной кафедре НЭТИ.

Наталья Михайловна Баркан

1925 года рождения. Ветеран труда. В НГТУ работала с 1957 по 1994 гг. доцентом кафедры политэкономии. Кандидат экономических наук

Я родилась и росла в Одессе. В 1941 г. окончила 8 классов и поехала с одноклассниками «на картошку». Возвращались мы в город, когда в воздухе уже пахло грозой. 22 июня началась война. Над Одессой висели дирижабли и летали немецкие самолеты, сбрасывая листовки и бомбы. Раздавались взрывы. Дети, не вполне осознавая трагедии случившегося, следили с любопытством из подъездов домов за происходящим. Те, что постарше, лазили по крышам, сбрасывали оттуда «зажигалки».

Мой отец, Михаил Исаевич Баркан, 21 июля ушел на фронт и погиб в декабре 1944 г. Не вернулись с фронта и его родные братья, младший из которых погиб в Берлине в мае 1945 г.

Я, будучи комсомолкой, искала занятие для помощи фронту. В райкоме ВЛКСМ нас зачислили в агитбригаду, обслуживающую бойцов на линиях фронта. Я пела, читала стихи. Грузовая машина, обтянутая красным полотнищем, на которой нас возили, оказалась неплохой мишенью для немецких самолетов, обстреливавших нас на бреющем полете. Спасались мы под машиной или в попадавшихся на пути окопчиках. Когда бригада была расформирована, я стала работать в районе аэропорта, где мы начиняли порохом патроны. В Одессе было много шпионов. Вскоре город начали интенсивно бомбить.

Наш участок перевели на территорию кладбища, но и здесь начались бомбежки. Осколки пролетали перед носом, некоторых ранило. Бои шли уже на окраинах Одессы.

19 сентября нас с мамой и родственниками эвакуировали. Пароход, на котором мы плыли, задела мина. Едва добрались до г. Новороссийска. В теплушках поехали дальше. Во время посадки у меня

украли чемодан с небогатым скарбом. Выручали родственники. В пути в основном питались сухарями и сушками, запивая их водой. Ехали больше месяца. Пришлось оставить на путях свои косы, так как завелись вши. В конце октября прибыли в Казахстан, в г. Балхаш. Я с вокзала отправилась к первому секретарю горкома комсомола с просьбой направить меня на работу.

Получила направление водоосмотрщиком на котел ТЭЦ медеплавильного завода. Увидев меня, начальник ТЭЦ воскликнул: «Ну и водоосмотрщик!» и направил меня в химцех учеником лаборанта химводоочистки ТЭЦ. Дежурным лаборантом проработала недолго. Когда мой старший смены – дежурный аппаратчик Старченко добровольно ушел на фронт, я попросилась на его место. Упорно осваивала премудрости профессии, с кровавыми мозолями на руках крутила задвижки фильтров. Было ли трудно? Очень трудно, но не мне одной, всем. Сушили на батареях непропеченный хлеб, запивали его водой. Позднее стала получать стахановские талоны в столовую. Стало легче.

После 12- часовой смены часто ходили на разгрузку угля с платформ. Жили мы в рабочем поселке в бараке для эвакуированных. Мебелью служили солдатские койки и тумбочки. Приходя с работы, валялась с ног и засыпала как убитая. Однажды, не достучавшись до меня, соседи выбили стекло и залезли в барак, подумав, что со мной что-то стряслось. Отчетливо помню чуть было не случившуюся аварию на ТЭЦ в результате нехватки воды в котлах. Сменщица сдала мне смену с одним работающим аппаратом, остальные были на регенерации. Это было грубейшим нарушением техники безопасности. Из резервного бака вода некоторое время лилась в дренаж. Через каждые 2-3 мин дежурный инженер ТЭЦ звонил по телефону и угрожал отдать меня под трибунал. Остановка котлов привела бы к аварии на ТЭЦ и на всем заводе. К счастью, положение удалось выправить, аварии не случилось.

Победу встретила на дежурстве. Радости нашей не было границ. Чокнулись с другими дежурными кружками с налитой в них чистой водой.

В Балхаше в 1945 г. я закончила вечернюю школу рабочей молодежи. Осенью этого же года поступила в Одесский университет на статистический (впоследствии – экономический) факультет.

В НЭТИ (НГТУ) преподавала, заведовала кафедрой – политэкономии.

Сергей Матвеевич Белин

1918 года рождения. Полковник технической службы. В НГТУ работал с 1962 по 2003 гг. Председатель ДОСААФ НЭТИ

Я начал войну в августе 1942 г. на Сталинградском фронте начальником передвижной авторемонтной мастерской. Донской фронт тогда вел ожесточенные бои. Летчики 16-й Воздушной армии совершали по несколько боевых вылетов в день. Они уничтожали большое количество фашистских самолетов, но и наши самолеты получали серьезные повреждения. В цехах ремонтной мастерской иногда стояло по 20 самолетов, ожидавших ремонта. Сроки на ремонт воздушной техники были жесткими: три дня на текущий ремонт, десять дней – на средний. Мы старались сжимать и эти сроки. Техники, авиаремонтники работали самоотверженно, сутками, не щадя сил.

В разгар Сталинградской битвы у врага появился новый самолет «Мессершмитт-109». Наши летчики получили задание: добыть сведения о фашистском самолете. В январе 1943 г. летчики, взяв в «клещи» «мессер», посадили его на советский аэродром. Немецкая машина приземлилась, не выпустив шасси, поэтому получила значительные повреждения. Приказ был краток: «Самолет отремонтировать и отправить в Москву». Задача, поставленная перед коллективом авиаремонтной мастерской, была выполнена в срок. Прделанная работа была высоко оценена командованием: личному составу авиаремонтной мастерской вручили переходящее Красное Знамя Военного Совета Донского фронта, а я был награжден орденом Красной Звезды.

Мне пришлось воевать на Донском и Сталинградском, Центральном и 1-м Белорусском фронтах.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина» и др.

Евгений Николаевич Белоусов

1922 года рождения. Полковник в отставке. В НГТУ работал с 1964 по 1978 гг. начальником военной кафедры

В довоенном 1940 г. по решению Миасского райкомата ВЛКСМ я был призван в Красную Армию и направлен на Дальний Восток.

Весной 1941 г. меня откомандировали в г. Томск в артиллерийское училище.

Войну встретил в Юргинских военных лагерях СибВО. Курсантов II и III курсов сразу отправили на фронт. Наш I курс начал заниматься по усиленной программе, и 19 сентября 1941 г. я был выпущен из училища в звании младшего лейтенанта.

В ноябре 1941 г. прибыл на Ленинградский фронт, под г. Тихвин. Началась моя фронтовая жизнь:

– Ленинградский и Волховский фронты – командир взвода, командир батареи 76-миллиметровых пушек, начальник артиллерии стрелкового полка;

– под Орлом, Брянском, Псковом в Белоруссии и Прибалтике – заместитель начальника штаба минометной бригады;

– Восточная Пруссия, Кёнигсберг, Монголия и Китай – заместитель командира стрелкового полка по артиллерии.

Дважды получал легкие ранения, был контужен, трижды меня откапывали в разбитых блиндажах или окопах.

Вспомнить что-нибудь особенно «героическое» не представляется возможным. Каждый день боев в наступлении или обороне стрелкового полка – всегда событие. Так, в тяжелых наступательных боях от г. Тихвина к Ленинграду до реки Волхов прошли почти 200 км. Я, молодой лейтенант, набирался жизненного и боевого опыта.

С ноября 1941 по февраль 1943 гг. ни разу не пришлось заночевать в жилом доме, всё было сожжено немцами. Домом служили или орудейный ровик, или землянка, или блиндаж.

25 декабря 1941 г. в бою у деревни Витка мне довелось подбить два танка и уничтожить до 40 фашистов. Контратака фашистов была

сорвана. Трижды пришлось форсировать Волхов. Ходил с группой за передний край, в тыл к немцам, с разведывательными целями. В середине марта с одной пушкой ползком пробирались к немецкому дзоту метров 60–70 под деревней Михалево. Дзот разбили, но сами еле выбрались. К маю 1942 г. наступление прекратилось, оборона стабилизировалась. Оборудовали передний край, заминировали подходы, поставили проволочные заграждения. Мы все время находились на прямой наводке.

20 мая 1942 г. меня назначили начальником артиллерии 1249-го стрелкового полка. Пришлось заниматься укреплением переднего края полка. Организовал систему артиллерийско-минометного и пулеметного огня, увязав ее с системой минных и проволочных заграждений, противотанковой обороны.

С июня 1942 г. через ночь ходил в патрулирование по переднему краю. Страшно ночью одному сидеть в окопе на переднем крае. Впереди – только проволочное заграждение, а слева и справа метрах в 30–50 также не смыкают глаз твои товарищи. С автоматчиком пробирался в окопы к красноармейцам минут на 10–15. Беседовали, угощались махоркой, обсуждали статьи из фронтовой газеты, делились новостями. За ночь я переходил с правого фланга полка на левый, а это почти 6 километров.

В июле 1942 г. в тылах полка был организован своеобразный «дом отдыха» для красноармейцев. Здесь были баня, столовая, хорошая землянка-спальня. За 3–5 дней прибывшего с переднего края бойца мыли, стригли, переодевали во все чистое, хорошо кормили. А главное – человек мог выспаться. А потом – опять на передовую, в свой окоп.

В ноябре 1942 г. мне присвоили звание капитана – носил в петлице шпалу и широкий шеврон на рукаве.

В начале февраля 1943 г. с Волховского фронта меня направили под Орел в 20-ю минометную бригаду.

Окончился первый этап моей фронтовой жизни под Ленинградом.

Награжден орденом «За службу Родине», двумя орденами Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды и медалями.

Константин Иванович Богомолов

1924 года рождения. Полковник. В НГТУ работал с 1960 по 1997 г. преподавателем военной кафедры, начальником 2-го отдела

Первые дни войны застали меня в г. Ленинграде, где я был курсантом военного артиллерийского училища. Курсантов II и III курсов сразу отправляли на фронт. А нас, первокурсников, эшелонами направляли в уральский город Белозерск, где мы занимались по ускоренной программе по 14 часов в сутки. Через 8 месяцев я закончил училище в звании лейтенанта, командира топографического вычислительного взвода и получил назначение в Закавказский военный округ.

Немец рвался на Кавказ к Бакинской нефти. Первое боевое крещение я получил на Северном Кавказе в 1942 г. В первые дни от каждого пролетающего снаряда или мины мы пригибались, падали на землю. Но уже через пару дней пролетающим снарядам не кланялись, научились по звуку определять, близко или далеко упадет снаряд. От осколков мин, снарядов часто нарушалась телефонная связь. Телефонисты под свист пуль, осколков выскакивали из окопа и бежали вдоль линии, чтобы восстановить связь с артиллерийской батареей. Среди телефонистов были большие потери, поэтому мне как командиру взвода приходилось восстанавливать связь.

Самое трудное – выскочить под обстрелом из окопа: какая-то сила прижимала к земле, тянула назад. Но как только выскочишь из окопа, уже думаешь только о том, как быстрее восстановить связь, найти повреждение на линии.

Нашу батарею часто ставили на прямую наводку для стрельбы по танкам. В конце 1942 г. наша дивизия перешла в наступление. Немцы быстро отступали, боясь быть окруженными нашими войсками, наступавшими из Сталинграда. Мы шли по 40–50 км в день. Вдоль дорог – брошенная техника, трупы людей, лошадей. Наступила распутица. Тылы отставали. Не хватало продовольствия, фуража для лошадей. Жители встречали нас хорошо. Помогали чем могли: кормили, ремонтировали обувь, сбрую, седла. Особенно нас хорошо встречали

на Кубани. Жители помогали нам восстановить силы после длительного марша. Грели в больших корытах воду, правда, вместо мыла использовали щелок.

Питание и обмундирование войск на фронте было вполне удовлетворительное. Зимой все были одеты в полушубки, ватные брюки, телогрейки, валенки. В 1943 г. под Таганрогом вместо лошадей по ленд-лизу получили автомашины «студебеккер». Воевать стало значительно легче. Нас ставили на танковое направление. В нашем артдивизионе были как 76-миллиметровые пушки для стрельбы по танкам, так и батарея 122-миллиметровых гаубиц для подавления минометных и артиллерийских расчетов.

Я как начальник разведки дивизиона вместе с разведчиками, радистами и телефонистами находился на переднем крае обороны, на высоте, откуда хорошо просматривалась оборона противника.

Тяжелые бои шли на Днестре в феврале 1944 г. Наша дивизия сменила на плацдарме под с. Большая Лепатиха сильно обескровленную в боях стрелковую дивизию. Ледоход на Днестре разрушал переправу, сразу ухудшилось снабжение войск на плацдарме продовольствием, боеприпасами. Местные жители на лодках, лавируя между льдинами, перевозили нам боеприпасы и продукты. В апреле 1944 г. под г. Николаевом при корректировке артиллерийского огня на наблюдательном пункте я был ранен. Пуля пробила ухо, сильно ударила по височной кости и рикошетом попала в голову. Очевидно, стрелял снайпер и ошибся всего на 1–2 см.

За эти бои и за то, что, будучи раненным, не покинул наблюдательного пункта и продолжал корректировать огонь артдивизии, я был награжден орденом Красной Звезды.

После освобождения Молдавии вся наша 5-я Ударная армия была переброшена в конце 1944 г. на I Белорусский фронт, где началось наступление на Берлин. Здесь было сосредоточено огромное количество танков, артиллерии, пехоты. Наступление началось ночью. Огнем артиллерии полоса наступления на несколько километров в глубь обороны противника была буквально перепажена. Потом пошли в наступление колонны танков с десантом. В воздухе стоял непрерывный гул сотен танковых моторов. Фашисты отчаянно сопротивлялись, особенно в районе Зееловских высот, где проходил оборонительный рубеж, прикрывавший Берлин. В 20-х числах апреля 1945 г. мы вышли на окраины Берлина. Около 10 дней длились тяжелые уличные бои. Против нас были брошены даже фолькштурмовцы – старики и 16–17-летние мальчишки. С боем брали каждый дом. Танки и тяжелые орудия в упор разбивали баррикады, завалы из бетона, камня и железных балок. Большие потери несли танки от фауст-патронов, выпускаемых гитлеровцами из окон домов.

Жители прятались в подвалах, в окнах домов были вывешены белые флаги – простыни. Берлин был сильно разрушен. Наша дивизия вела бои у Силезского вокзала, на Александр-плац и далее наступала по правительственному проспекту Унтер Ден Линден. Утром 2 мая мы вышли к Бранденбургским воротам. Справа был Рейхстаг, слева – канцелярия Гитлера. В этот день Берлинский гарнизон капитулировал. Бойцы нашей 416-й стрелковой Таганрогской дивизии и других дивизий, штурмовавших Берлин, водрузили Знамя Победы на Бранденбургских воротах.

Война еще продолжалась, а наша 5-я Ударная армия осталась в Берлине нести караульную службу. Я со своими товарищами расписался на одной из колонн Рейхстага. Написали: «Мы дошли от Кавказа до Берлина. Богомолов, Прохоренко, Букреев».

Утром 9 мая, узнав об окончании войны, открыли на радостях отчаянную стрельбу из пистолетов, винтовок, автоматов. Кругом все радовались, обнимались, целовались, плакали, вспоминали своих погибших товарищей.

Мы еще долго не могли привыкнуть к тишине, к мирным условиям жизни: спать на кровати, обедать за столом. Даже по привычке курили в кулак, чтобы не демаскироваться. Долго снились бои.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I и II степеней и медалями.

Федор Васильевич Буслов

1921 года рождения. Летчик. Герой Советского Союза, гвардии лейтенант. Воевал в небе Донбасса, Крыма, участвовал в Восточно-Прусской и Курляндской операциях. Директор музея НЭТИ в 1975–1989 гг.

Авиация – моя любовь с ранней юности. До войны я учился в аэроклубе г. Прокопьевска. А когда началась война, то был уже курсантом летной школы г. Омска.

Воевать начал с 1943 г. Летал на штурмовике ИЛ-2, который фашисты прозвали «черной смертью». И не без основания. Оснащенный пушками, «шкасами», реактивными снарядами, берущий на борт до 400 кг бомб штурмовик наводил ужас на фашистов в воздухе и на земле. Вот на этой грозной машине я и летал. Мои позывные – «Кобра-5-13».

Принимал участие в штурме Сапун-горы и освобождении Севастополя. Штурм Сапун-горы стал одной из самых трудных операций в годы войны. Это был сильно укрепленный район, штурмовать который, казалось бы, не имело смысла. Предложение советских парламентариев о капитуляции гитлеровское командование, уверенное в неприступности укреплений, отклонило. Штурмовой авиации предстояло начать боевые действия. Помню, рано утром 7 мая 1944 г. группы гвардейской Сталинградской авиадивизии одна за другой начали уходить на штурм Сапун-горы. Врагу не давали ни минуты передышки. Всеми огневыми средствами наших «илов» мы подавляли не только артиллерию врага, но и разрушали бетонированные укрепления. Уже в воздухе мы видели, как наши солдаты пошли на штурм, а противник оставлял ярус за ярусом, не выдерживая натиска. До освобождения Севастополя оставалось два дня. За эти бои мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

За время войны меня сбивали дважды. Первый раз сбили зенитки. Это было под Херсоном. Второй раз – 1 марта 1945 г. Это был мой 56-й воздушный бой. Мы летели в Восточную Пруссию. Нашу эскадрилью атаковали превосходящие силы противника. Причем фашисты применили новую тактику: сверху нас атаковали «мессеры», снизу –

«фоккеры». Я пошел на помощь Василию Анферову. Сбил одного фашиста, но был атакован сзади «фоккером».

Потом уже, когда «приземлился» на нашей передовой, попал в объятия пехотинцев. Многие не могли сдержать слез, когда увидели, как подбитый штурмовик устремился к земле. Когда наши солдаты подбежали к месту «падения» самолета, то увидели, что летчик жив. Ранен, но жив! Я никогда не забуду их лица!

В январе 1945 г. началась Восточно-Прусская операция. В апреле началась подготовка к штурму Кёнигсберга – глубоко эшелонированного бастиона гитлеровцев. Первый боевой вылет состоялся рано утром. Удар был настолько сокрушительным, что спустя пять часов, во время второго вылета, мы ничего не могли различить на земле. Весь город заволокло дымом. Кроме нас отлично поработали артиллеристы. Всего четыре дня понадобилось, чтобы овладеть сильно укрепленным городом. очевидцы рассказывали, что когда наши солдаты брали в плен фашистов, те не могли поверить в случившееся. Многие так были потрясены, что не могли вспомнить своего имени.

До сих пор жители города чтят память советских воинов, погибших при его штурме. В Калининградской школе № 22 создан музей, посвященный боевому пути нашего 136-го гвардейского штурмового полка 1-й гвардейской Сталинградской штурмовой авиадивизии 1-й Воздушной армии.

Тяжело было терять друзей. Не передать словами тех чувств, которые приходилось испытывать при виде поредевшего строя возвращавшихся с задания машин. А если в день несколько боевых вылетов? Мой друг Григорий Полуянов двух месяцев не дожил до Победы. Подбитый штурмовик Григория совершил вынужденную посадку на территории врага. Фашисты окружили самолет в тот момент, когда воздушный стрелок вытаскивал из пылающей машины тяжело раненного летчика. Этот стрелок потом совершил побег из фашистского плена. Он и рассказал о последних минутах жизни Григория. Его зверски пытали. Но он ничего им не сказал. Умер как герой. Посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сегодня бороздит воды Балтийского моря рыболовный траулер «Григорий Полуянов».

Всего я совершил 200 боевых вылетов. Пятьдесят шесть раз вступал в воздушный бой с фашистскими истребителями. Пятьдесят пять раз выходил из боя победителем. Уничтожил 20 танков, 50 автомашин, два железнодорожных эшелона, 12 самолетов (7 на земле и 5 в воздухе), много зенитных орудий.

Награжден орденом Ленина и медалью «Золотая звезда», тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Александра Невского и медалями. Героем Советского Союза стал в 24 года.

Николай Иванович Васюков

1925 года рождения. Младший техник-лейтенант. В НГТУ работал с 1979 по 1991 гг. ст. лаборантом кафедры МОЛА

Я был призван в ряды Красной Армии в январе 1943 г. и зачислен курсантом 1-го Московского пулеметного училища, располагавшегося в Рязани. В июле 1943 г. отправлен на фронт. Принимал участие в освобождении городов Софиевка, Запорожье, в форсировании Днепра. Был ранен. После выздоровления зачислен курсантом Сызранского танкового училища, по окончании которого получил звание младшего техника-лейтенанта. В этом звании закончил войну.

Вспоминаю сентябрь 1943 г. Наше соединение, действовавшее в составе 2-го Украинского фронта, одним из первых подошло к Днепру. Времени на подготовку к форсированию реки было мало. Разведчики и саперы тщательно изучили противоположный берег. Артиллеристы готовились прикрывать огнем наш десант. В последние часы перед штурмом проводились митинги, собрания. Была поставлена цель – высадиться, закрепиться на правом берегу, обеспечить переправу основных сил дивизии. Наступил день форсирования Днепра. Моросящий осенний дождь. Чуть слышны команды: «Выдвинуться ближе к берегу! По группам выходить к понтонам».

Все происходило слаженно и быстро. Переправились разведчики, за ними – другие подразделения. И прежде чем фашисты опомнились, плацдарм был захвачен. С наступлением темноты подразделения под прикрытием «катюш» перешли в наступление. Наш пулеметный расчет вел огонь по отступавшим фашистам. Бойцы храбро дрались и выполнили боевую задачу. Передышка после боя оказалась короткой. Опомившись, гитлеровцы перешли в контратаку. Две были отбиты. В третий раз немцам удалось приблизиться к окопам роты. Командир поднял бойцов в атаку. Враг был отброшен. Рота выполнила задачу. Успех обеспечивался личным примером командиров, их инициативой, оперативностью.

Запомнился еще такой эпизод. Наш пулеметный расчет находился в первых рядах наступавшего подразделения. На одном из рубежей, используя выгодное в тактическом отношении превосходство местности, немцы организовали оборону. Наше подразделение занимало неудобное для наступления исходное положение. Мы были вынуждены перейти на более выгодный рубеж для атаки. В 14.00 последовала команда перейти в наступление. Гитлеровцы встретили нас ураганным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем. Мы понесли большие потери. Но благодаря взаимодействию частей левый фланг наших подразделений сломал оборону врага и смог развить наступление. Фашисты начали отступать. Наш расчет действовал в этом бою решительно и умело. В этом тяжелом бою я был ранен, контужен и отправлен в госпиталь. Многие мои боевые товарищи пали смертью храбрых. Вечная им память!

Войну закончил танкистом.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Василий Григорьевич Вересов

1919 года рождения. Подполковник. Участник обороны Москвы В НГТУ работал с 1987 по 1994 гг. на военной кафедре

С мая 1941 г. мы, курсанты Ленинградского Краснознаменного артиллерийско-технического училища, находились в военном лагере в 3–4 км от г. Луга. Жили в палатках, изучали артиллерийскую технику и методы ее ремонта, проходили стрельбы, готовились к выпускным экзаменам.

22 июня 1941 г. нас подняли по тревоге, состоялся митинг. В тот же день нам объявили, что наша 4-я батарея в составе курсантской дивизии, направляется на фронт. 23 июня мы погрузили на железнодорожные платформы боеприпасы, 122-миллиметровые пушки, тягачи, продукты и ночью двинулись на фронт.

24 июня на станции Перклярви, недалеко от Выборга, мы выгрузились и, пройдя своим ходом около 15–20 км, получили команду занять боевую позицию. Оборудовали оружейные дворики, хранилища для боеприпасов. Нас ознакомили с географией местности, зачитали приказ и поставили перед нами цель: не допустить прорыва врага на нашем рубеже обороны. Мы тогда более недели простояли на ответном рубеже, но враг до нас не дошел.

В начале июля 1941 г. нас сменили прибывшие воинские части, дав нам возможность вернуться в училище. 12 июля нам, окончившим Ленинградское Краснознаменное артиллерийско-техническое училище, было присвоено воинское звание техника-лейтенанта (воентехника 2-го ранга).

16 июля я прибыл на Московский фронт ПВО на должность артиллерийского техника 2-го дивизиона 862-го зенитно-артиллерийского полка. Командиром дивизиона был майор Путрин. Главной моей обязанностью было обслуживание боевой техники. Техника и вооружение должны были быть всегда исправными, готовыми к бою. Внезапные поломки помогали устранять оружейные мастера и личный состав расчетов.

Батареи дивизиона занимали огневые позиции в центре Москвы, разделившись повзводно, только 8-я батарея разместилась целиком на одной площадке. Огневые точки располагались на земле только там, где допускал круговой обзор, а большинство площадок было оборудовано на крышах домов.

Налеты на Москву противник предпринимал, как правило, ночью. Первую зону обороны на подступах к городу занимали истребительная авиация и зенитчики. Кремль, промышленные и военные объекты, мосты, железнодорожные вокзалы обороняли зенитчики – артиллеристы и пулеметчики. Помогали нам прожектористы и аэростатчики. Артиллеристы-зенитчики вели огонь не только по бомбардировщикам, но и по осветительным ракетам, которые противник сбрасывал на парашютах для освещения объекта бомбометания. Для ликвидации зажигательных снарядов, вызывавших пожары, городские власти сформировали специальные отряды, и мы, по возможности, выделяли своих бойцов им в помощь.

В августе в соседний двор попала 200-килограммовая бомба, частично разрушив жилой дом по ул. П. Осипенко. Я был контужен взрывной волной. Санитарный инструктор оказал помощь, но обошлось без госпитализации. При объявлении тревоги москвичи прятались в подвальных бомбоубежищах и на станциях метрополитена. На боевом посту оставались патрули и мы, зенитчики. Мы не имели права спасаться в укрытиях. Если от командира батареи поступало сообщение о неисправности пушки или прибора, то в подразделение приходилось бежать во время бомбежки. Запомнилось прямое попадание авиабомбы на позиции 8-й батареи, которой командовал капитан Смирнов. Осенью 1941 г. батарея, состоявшая из четырех орудий, располагалась на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки. Прибыв после бомбежки на батарею, я увидел погибших, прикрытых шинелями, две разбитые пушки.

Зимой 1942 г. вблизи 1-го взвода 10-й батареи взорвалась бомба. Убитых не было, но два человека получили тяжелые ранения. Поврежденное орудие отремонтировали своими силами. Гибель бойцов 8-й батареи произвела на меня тяжелое впечатление, к тому же я был тогда еще необстрелянным новичком. Поначалу казалось, что завывающие бомбы, зажигательные снаряды, да и осколки наших разорвавшихся снарядов упадут точно на тебя.

Не всегда удавалось сбить воздушного противника, но, получив огневой отпор, враг уже не мог сбросить бомбы прицельно. Стремясь помешать прицельному бомбометанию, наши батареи вели также заградительный огонь. Огонь на высоте 4–6 км мешал самолетам снижаться, однако при этом расход боеприпасов значительно увеличивался. Иногда, от непрерывной автоматической стрельбы, ствол орудия так нагревался, что его приходилось менять. В перерывах между

налетами в готовности № 1 находились только дежурные расчеты, а остальные готовили технику, отдыхали, учились.

После разгрома немецких войск под Москвой налеты вражеских самолетов стали реже. Часть наших батарей была вывезена из города на оборону аэродромов и других объектов. В 1944 г. Московский фронт ПВО был переименован в Особую Московскую армию ПВО страны. Я продолжил служить в 63-й ЗАП ПВО, в полку под командованием А.К. Бородина. В 1946 г. был направлен во вновь сформированную войсковую часть, в составе которой эшелонам выехал в Сибирь.

Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За безупречную службу I степени» и др.

Петр Исакович Волков

1930 года рождения. «Сын полка». Полковник. В НГТУ работал с 1969 по 1983 гг. преподавателем военной кафедры

Когда началась Великая Отечественная война, я жил с родителями в совхозе в под Уфой. Отца в первые дни войны мобилизовали на работы в шахтах Кузбасса. Разгром немцев под Москвой воодушевил советских людей. Нам, мальчишкам, тоже хотелось воевать против фашистов. В совхозе «Чесноковка» был прекрасный, природой созданный тир, где будущие фронтовики тренировались в стрельбе день и ночь. Мы каждую свободную минуту проводили в тире. Командиры иногда и нам доверяли оружие.

Мы дружили с командирами и солдатами. Некоторые из них были из наших мест. Впоследствии они помогли мне добраться до линии фронта. Правда, это оказалось чрезвычайно трудно. Только с третьей попытки летом 1943 г. мне удалось добраться до фронта – в местечко Мьяес. Солдаты приняли меня хорошо. Питался я вместе с солдатами, но официально не был приписан ни к одному подразделению части. С боями наши солдаты и я с ними дошли до Турецкого вала. Однажды около одной из солдатских походных кухонь случайно встретился с командиром – капитаном Ягирским. Обычно я избегал встреч с офицерами – боялся, что отправят домой. Эта встреча оказалась незабываемой. После короткой беседы капитан сказал, что назначает меня своим подчиненным, жить я буду в автобусе, а моей постоянной обязанностью будет зарядка аккумуляторов. Я добился того, чего хотел.

Командир роты приказал зачислить меня в строй и на котловое питание. Мне выдали военное обмундирование. Я был на седьмом небе.

Время было сложное, войска готовились к сражениям, людей не хватало. И я заменил настоящего электрика. Готовилось решительное сражение. 7 апреля 1944 г. начались бои за Перекоп и Крым, которые длились без перерыва целый месяц и закончились разгромом немцев в Крыму.

Воспитанник роты Петр Волков в мае 1945 г.

За эти боевые действия я был награжден медалью «За боевые заслуги». Вручил медаль лично командир 387-й Перекопской дивизии полковник А.А. Ковалевский. На следующий день после освобождения Севастополя дивизия передислоцировалась в г. Симферополь, где обучала пополнение, собирала урожай с крымских полей, обеспечивала безопасность Ялтинской конференции глав антигитлеровской коалиции. В марте 1945 г. эшеленом прибыли в румынский город Плоешти, а потом своим ходом – в Бухарест.

Здесь мы встретили долгожданную Победу. В октябре 1945 г. я был направлен в Калининградское суворовское училище. Далее – учеба, мирная жизнь, служба в армии, которой я посвятил всю жизнь.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги» и др.

Зоя Васильевна Гаврилова

1928 года рождения. Ветеран труда. В НГТУ работала с 1961 г. доцентом кафедры политэкономии. Кандидат экономических наук

В годы войны я жила в деревне на Алтае. Не понаслышке знаю, что собой представляла война. На фронт из деревень забрали не только людей, но и лошадей. Основной тягловой силой оставались быки. На быках пахали, боронили, ездили в отгрузку, а зимой возили дрова и сено. Все четыре года люди работали без выходных и отпусков. «Отпуск» давали только тогда, когда приходила похоронка, чтобы женщина могла поплакать, погоревать с детьми. А детей было много: тогда 4–6 ребятишек в семье считалось обычным делом.

Для фронта сдавали со своего двора все: молоко, шкуры скота, шерсть... Только в конце года получали на трудодни немного зерна, которое потом мололи на самодельных крупорушках. Кормились в основном со своих огородов.

Мне шел 13-й год, когда началась война. Да, нас не бомбили, мы не партизанили, но мы работали, не зная ни отдыха, ни срока. Нас снимали с уроков, чтобы помочь колхозникам во время хлебоуборки, отодвигали начало занятий на месяц, а то и больше, чтобы хлеб не остался под снегом. Для нас, детей колхозников, основная работа начиналась летом. Мы с бригадиром-инвалидом уезжали километров за 15–18 от дома, строили шалаши и жили там все лето безвыездно. Наравне с женщинами косили, возили копны, подкапнивали. Когда женщины вечером уезжали на бычках домой, бригадир просил нас сделать то, что не успели сделать за день.

И мы беспрекословно шли и додельвали. Утром он будил нас и просил: «Вставайте, ребятишки, надо покосить по росе, пока женщины не приехали». И мы, полусонные, выползали из шалашей и шли косить. Мы хронически не высыпались, все время хотелось есть. Оживали, когда начиналась хлебоуборка. Работа была тяжелой, но нам раз в день варили кашу из зерна нового урожая.

В 14 лет мне пришлось работать прицепщицей на стареньком тракторе. Помню, как однажды мы поехали пахать в ночную смену. Пошел дождь, у трактора не было фар, и в кромешной тьме нельзя было различать, где залежь, а где уже вспаханная земля. У меня закружилась голова, и я начала медленно сползать под плуги. Кричать трактористу было бесполезно – не услышит. И вдруг трактор встал. Тракторист подошел к прицепу со словами: «Пошли домой. Не знаю, где пашу». И буквально остолбенел, когда увидел меня под сиденьем. Он помог мне выбраться и сказал: «Ну, Бог тебя спас! Изрезало бы на куски».

А как не вспомнить поездки на элеватор с зерном. Зерно везли за 40–45 км опять же на бычках, которые норовили свернуть на обочину, чтобы пощипать травки. Зерно возили в ящиках-колодах, а на элеваторе вычерпывали плицами, в которые входило килограммов 10–12. Вычерпывать надо было быстро, не разгибаясь, так как за тобой ждали другие сдатчики. И если сегодня у кого-то из нас болит спина, ноют руки и ноги, удивляться не приходится.

Напряженную, трудовую жизнь облегчала песня. Песен, частушек знали много и умели петь. До нас доходили военные, партизанские песни. Их пела в основном молодежь. Женщины оставались верны «ранешным» проголосным песням. Крестьянские женщины военного времени запомнились мне как сострадательные, отзывчивые люди. Зная, как всем тяжело, они могли сказать соседке: «Приди, я тебе дам молока (капусты, огурцов)». Или: «Анна, займи мне мучки». «Приди», «займи», но никогда – «продай». Если приходила похоронка, женщины собирались в доме, сочувствовали, вместе плакали. Проклинали Гитлера и войну, приносили какую-нибудь снедь, чтобы помянуть погибшего земляка.

Помню, как бросив школу, я и мои подружки-сверстницы жили зимой в бригадном доме, чтобы готовить семена к посеву. Работали в промерзшем помещении, как могли, согревались, притопывая, приплясывая, а вечером растапливали печурку, грелись и засыпали как убитые.

Однажды у нас случился пожар, загорелись валенки, поставленные для просушки на чувал. Дыма было много. Мы повскакивали и, схватив одежонки, выскочили на мороз. Хозяйка сгоревших валенок была в отчаянии, но чем мы могли ей помочь?

Иногда мы забываем имена тех, с кем росли, работали. Но быка, на котором я возила зерно, мне не забыть. Его звали Шуня. У Шуни были удивительные рога: прижатые к вискам, они опускались до уровня носа и выступали вперед. Как и все быки, он был безотказен и голоден. Когда я подъехала под ригу, чтобы выгрузить зерно, Шуня рванул к вороху уже кем-то выгруженного зерна. Мы знали, что если голодное животное наестся зерна, то может погибнуть. Отвернуть

Шуню от этой кучи не было сил. Тогда я решила пнуть его в нос, но Шуня мотнул головой, и его острый рог вонзился в мою берцовую кость. От боли я только икала, а люди выгребли зерно из моей тары, посадили меня в этот ящик, и я снова поехала к комбайну.

Однако этим дело не закончилось, нога все время болела, стала нарывать, а потом из раны вышла косточка. Когда у меня спрашивают, откуда эта «ямка» на моей ноге, я всегда вспоминаю Шуню и отвечаю, что и в тылу бывают ранения.

Война не обошла ни один крестьянский двор. Из ста мужчин, ушедших на фронт, домой вернулись лишь шестеро. В марте 1945 г. погиб мой отец, три года был в плену старший брат, младший брат вернулся живым, но умер от открывшейся раны, когда ему был 21 год.

Особенно памятным был, конечно, День Победы. В этот день люди обнимались, плакали, но работу не бросали. Известно, что весенний день год кормит, поэтому День Победы решили отметить после посевной компании.

Анна Васильевна Гордеева
1925 года рождения. Ветеран труда.
В НГТУ работала с 1964 по 1995 гг.

Внезапное нападение фашистской Германии на нашу Родину стало для всех страшным ударом. Было тревожно и страшно. У здания райвоенкомата толпами стояли мужчины, юноши, девушки, добровольно уходившие на фронт. Спешно достраивалась насыпная дорога, соединявшая многие населенные пункты с районным центром, был создан штаб партизанского отряда, начался сбор посылок с теплыми вещами и сухарями для фронта.

Наша железнодорожная станция Пречистое соединяла такие города, как Ленинград, Архангельск, и по ночам шли эшелоны с эвакуированными из Прибалтики и Ленинграда. Многих размещали по квартирам. Железную дорогу и районный центр начали бомбить. Началась паника; прятались кто куда мог. Детей старшего возраста с группой учителей эвакуировали из опасной зоны. Мы с подружкой поехали на станцию Скалино в неполную среднюю школу. И там почти каждый день вражеские самолеты бомбили станцию. Мы должны были выводить детей при каждой бомбежке или обстреле в болота или в лес и ждать, когда улетят самолеты. А после бомбежек разгружали уцелевшие вагоны с лесом, расчищали железнодорожное полотно.

Было сыро, холодно и голодно. Моей обязанностью было получать сырой черный хлеб и делить по 125 граммов каждому. Младших школьников матери оставляли дома. Чтобы дети не отставали от учебной программы, мы с подружкой Ритой занимались с ними.

Однажды идем ранним морозным утром. На пригорке пасется теленок, щиплет молодую отаву. Откуда-то появилось три вражеских самолета. На бреющем полете начали нас обстреливать. Мы укрылись в ложбинке. Гул самолетов утих. Встаем и идем дальше. А теленочка уже нет...

Война приближалась к Москве. Нас, подростков, женщин и стариков, отправили на строительство оборонительных укреплений, рытье противотанковых рвов и ловушек, на валку леса за Рыбинское водохранилище. Шли пешком несколько дней в слякоть, по болотам, лесам, голодные и промерзшие. Под ежедневными вражескими налетами, обстрелами рыли, строили сооружения. Порой ноги примерзали к валенкам и не отогревались у замаскированного костра.

А 7 ноября 1941 г. стоя на обочине строящейся дороги, мы слушали о параде на Красной площади и радовались: Москва – наша! И снова надо было копать, валить лес, строить рвы.

В апреле 1942 г. мы с подругой вернулись в школу на станцию Скалино продолжать учить детей. Подруга преподавала немецкий язык, я подменяла ушедших на фронт преподавателей русского языка, арифметики, проводила вечера, рассказывала о том, что видела, пережила сама, читала статьи о подвигах советских людей на фронте и в тылу.

Летом 1942 г. наши пути с Ритой разошлись. Она осталась в школе, а меня райком комсомола направил в редакцию районной газеты «Сталинский путь». Сначала работала корректором, литсотрудником, а когда редактор ушел на фронт, нужно было вместе с машинисткой, наборщиком и печатником выпускать газету.

В 4 часа утра я бежала в редакцию принимать сводку Советского информбюро. Ловила каждое слово из самодельного динамика и тщательно записывала. Машинистка печатала текст, отдавала в набор не только принятую сводку, но и тексты писем солдат с фронта, небольшие заметки о работе в деревне. Когда номер был подписан секретарем РК ВКП(б), спешила за 30–45 км с вестями о положении в нашей стране, с треугольниками от бойцов, может, радостными, а может, печальными.

В военном 1943 г. меня приняли кандидатом в члены партии и избрали вторым секретарем Пречистенского райкома комсомола. Работа в райкоме отнимала много времени и сил, а нужно было проводить собрания по деревням, организовывать подписку на заём. Иногда из избы выгоняли или вообще не впускали.

Собирали и отправляли посылки на фронт. При керосиновой лампе собирали молодежь деревень, проводили выездные комсомольские собрания, рассказывали о положении на фронте.

В июле 1944 г. меня направили учиться в Москву на центральные газетные курсы при ВПШ. Столица покорила меня своим величием и красотой. Хотя фасады разрушенных домов были закамouflированы и окна еще заклеены бумажными полосками, многие дороги разрушены, но все же сохранялся русский дух, не позволивший фашистскому сапогу ступить на мостовую столицы. По вечерам небо Москвы озарялось огнями салютов, залпами орудий в честь освобождения нашими войсками народов и городов Европы от фашизма.

Мне довелось видеть, как по улице Горького, понунив головы, шли пленные фашисты.

Меня распределили в «Молодежь Молдавии» заведовать сельхозотделом. Осмотрев разрушенный на 75 % Кишинев, мы отправились в уездный город Оргеев. На площади собралось все население. Нужно было рассказать о продвижении наших войск, скором конце войны и о тех задачах, которые будут стоять перед молдаванами, гагаузами, цыганами по обустройству новой жизни.

Деревянный мост через Днестр рухнул под напором огромных льдин. Мы по колено в ледяной воде преодолели пять километров. Немного передохнув и обсохнув в небольшом домике, ночью продолжили путь туда, где нас ждали.

Перелистывая страницы своей жизни, вспоминаю наш молодой задор, веру в победу.

День Победы встретила в Кишиневе. Утро было солнечное, теплое. У нас в редакции не было ни радио, ни телефона. В раскрытые окна было видно, как куда-то торопились люди. Мы – газетчики – были заняты своей работой: переписывали, перечеркивали непонравившиеся статьи. И вдруг: «Война закончилась!». Не помню, как выпрыгнула в окно и вместе со всеми побежала на площадь. Она уже алела знаменами, транспарантами. Звучала музыка, люди плакали, смеялись, обнимали друг друга, кричали «ура!».

У многих война отняла отцов, мужей, сыновей. Было трудно! Но мы верили в победу и боролись за нее.

Виталий Маркович Григорьев

1931 года рождения. Партизан, «сын полка». В НГТУ работал на кафедре приборных устройств. Кандидат технических наук, доцент

В 1940 г. я с мамой и сестрой после окончания 3-го класса приехал к отцу в г. Драгичен на Буге (50 км от Бреста, на границе). В августе мама умерла (ей было 27 лет). Сестру Нину забрала тетя. Меня папа оставил у себя. Я был зачислен воспитанником в 59-й стрелковый полк, где папа был комиссаром. 22 июня отец и я проснулись от грохота рвущихся снарядов. Мы побежали в расположение полка. Бойцы нашего полка и командный состав занимали окопы вдоль границы. В течение четырех дней наш полк и погранотряд удерживали границу под непрерывным огнем и атаками немцев. Я и сын майора Коля таскали воду для пулеметов «максим» и ящики с боеприпасами, набивали ленты к пулеметам. На третий день погиб Коля. На четвертый день погиб мой отец. Осколком снаряда ему перерезало живот, он отказался от перевязки, понимая, что ничего уже не поможет. Он попросил привести меня к нему. Когда я подошел, он полулежал в окопе, придерживая рукой рану. Он сказал мне: «Сынок, прощай, люби людей, делай добро и даже на зло отвечай добром».

В конце четвертого дня остатки полка и погранотряда начали отступление. Войска фашистов сплошным потоком двигались по всем дорогам. Нам пришлось отступать по лесам, часто вступать с бой с фашистами. Первый раз мне пришлось идти в разведку у станции Ясень на железной дороге Минск–Бобруйск. В 4–5 км от станции Ясень располагался торфозавод «Свобода». Старший лейтенант Орлов приказал мне пойти на торфозавод и узнать, есть ли там немцы. До этого в какой-то деревне меня переодели в гражданское. Придя на торфозавод, я увидел, что немцы его уже заняли. Впервые я видел немцев вблизи. Численностью не более взвода они расположились в здании школы, выставив часовых. Ночью возглавляемая Орловым группа бойцов нашего полка и пограничников сожгла школу и уничтожила всех немцев.

В одной из лесных деревень мы услышали по радио выступление Сталина, которое начиналось словами: «Братья и сестры... Родина в опасности».

Через линию фронта, форсировав Березину, в тыл к немцам провралась кавалерийская дивизия. Остатки нашего полка и погранотряда влились в эту дивизию. Нашей задачей были рейды по тылам врага. Немцы, подтянув войска, окружили дивизию, прижав ее к Пинским болотам. Дивизия была разбита. Потеряв артиллерию и лошадей, разбившись на небольшие группы по 30–40 человек, мы уходили через болота. Наша группа вышла в район Черного озера, где встретилась с небольшим партизанским отрядом, которым командовал секретарь Минского обкома партии Козлов.

Мы присоединились к этому отряду, который с 18 августа 1941 г. стал называться Первой Минской партизанской бригадой. В этой бригаде я был связным разведчиком до января 1944 г.

Вот один из эпизодов жизни в партизанском отряде. Я был направлен в г. Шклов к семье Грибовских. Юзек Грибовский состоял в подпольной антифашистской организации. Я передал ему зашифрованное задание. Он попросил меня провести его 17-летнего брата Карела в партизанский отряд. В деревне Обручье, куда мы пришли с Карелом, жила связная отряда баба Груня. Подойдя огородам к ее дому, я постучал в окно условным стуком. Она подошла к окну, замахала руками и тихо сказала: «Полицаи». Мы с Карелом побежали через огород к лесу, проваливаясь в рыхлом снегу. В это время из дома выскочили полицаи и открыли по нам огонь. Петляя, как зайцы, мы бежали к лесу. Помню их крики: «Ты бери левого, я – правого!» Падая и поднимаясь, мы добежали до леса. Пули нас не задели. Забежав за сосну, я выглянул из-за нее, показал полицаям кулак и крикнул: «Я вас, гады, убью!» Придя в отряд, я доложил обо всем командиру, и этой же ночью все 12 полицаев были уничтожены группой партизан.

В ходе операции «Багратион» наша партизанская бригада соединилась с действующей армией. За установление связи с действующей армией я был награжден орденом Красной Звезды.

В армии я стал воспитанником восстановленного 59-го стрелкового полка, так как знамя полка сохранили оставшиеся в живых солдаты. С полком я дошел почти до Варшавы, где в 1944 г. в бою был тяжело ранен и контужен. На 12-й день я очнулся в 188-м эвакогоспитале в Молотове (теперь – Пермь). Больше года я провел в госпитале. Затем был направлен в специализированный детский дом в Калининской области, где окончил 7 классов. Потом учился в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. Мухомовой, позже – на радиотехническом факультете НЭТИ.

Воспитанник полка Виталий Григорьев (второй справа)

За активное участие в Великой Отечественной войне награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «Партизану Великой Отечественной войны» II степени и др.

Василий Никанорович Дрокин
1924 года рождения. Полковник. В НГТУ
работал с 1978 по 1996 гг. учебным ма-
стером ПТФ

В 1942 г. по окончании средней школы я был призван в ряды Красной Армии.

После 6-месячного обучения был направлен на фронт. С марта 1943 по декабрь 1944 гг. участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками на Карельском фронте в составе 361-го зенитного артиллерийского полка в должности командира орудия. Воинское звание – старший сержант. Участник обороны города-героя Мурманска. По количеству сброшенных на город бомб Мурманск на втором месте после Сталинграда.

После окончания боев на Карельском фронте был направлен на учебу в военное училище инструментальной разведки в г. Пушкин Ленинградской области, которое закончил в 1947 г.

Офицерскую службу проходил в зенитной артиллерии и в зенитно-ракетных войсках Дальневосточного и Сибирского военных округов. После выхода в отставку проработал на предприятиях Новосибирска 31 год, в том числе 18 лет в НЭТИ (НГТУ) на кафедре РПиРПУ в должности учебного мастера.

Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

Лидия Лаврентьевна Калачева

1925 года рождения. В НГТУ работает с 1969 г. Доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник НГТУ

Чем была Великая Отечественная война лично для меня

Что я помню о войне? Смена эмоций, отражавших убежденность в том, что жила среди благородных, мудрых и добрых, понимающих людей. И горе – большое, всеобщее горе. Это были детство и юность, очень светлые и очень тяжелые. Об этом можно говорить или молчать только с теми, кто тебя поймет. Но из тех, кто понимал, кто был тогда рядом, многие ушли. Светлая им память!

А те из сверстников, кто выжили, получили сильный жизненный заряд, может быть, душевную закалку и наказ ушедших жить долго и делать больше добра не только от своего, но и от их имени, за них реализовать то, что не состоялось из-за войны.

Моя семья. Те, кто были со мною рядом во время войны

Мама, бабушка и сестренка, соседи по улице. Папа погиб в роковые, предвоенные. Все братья и даже сестры мамы и папы – на фронте. Один дядя погиб в первые месяцы. Другой был спортсменом. Лишившись ног, он, по слухам, стал председателем неизвестного нам колхоза. Второй – признанный красавец, раненный в лицо, получил от хирургов другое, пройдя через множество пластических операций. Врачам удалось сохранить один глаз. Уехал.

Тырган – район Прокопьевска. Прекрасные места, много солнца, лес, луга в цветах. Меньше работали в аудиториях, больше на учебных практиках. Шахты Кузбасса, добыча угля и проходки по угольным пластам и породе. Яркие встречи.

Сильное впечатление от встреч с женщинами, несшими мужскую нагрузку и ответственность. Это наша выпускница Алена, горный мастер в 19 лет. Колмагорова – начальник шахты Зиминка, Самсонова –

начальник Дорстроя треста Южкузбассуголь. Такие встречи меняли отношение к жизни.

Уроки физкультуры и смерть близкого человека. Зимой мы охотно бегали на лыжах. И опять шок: наш студент – зеленоглазый Антон Загайнов, бредивший фронтом, ходил по многу километров. Плохо одетый, полуголодный, он фанатично закалял себя для разведки. Однажды его нашли замерзшим.

Моих сверстников на фронт не отправляли – слишком были молоды. Ребята и девушки подделывали даты рождения в документах.

Первые шахтерские годы

Начались они до окончания техникума. На защиту дипломов нас вызвали позднее, когда мы стали настоящими шахтерами. В моем дипломе в название специальности «Маркшейдерское дело» внесена поправка с учетом военного времени: «Маркшейдерские работы при восстановлении шахты, разрушенной взрывом».

В маркшейдерское бюро шахты им. Димитрова меня приняли на место ушедшего на фронт сотрудника. Объем работ по участкам – тройной (по сравнению с предвоенной нормой). Мои постоянные спутники и ангелы-хранители дядя Вася и Мотя (семейные, высланы с Западной Украины). Их забота – нивелир, теодолит, штативы к ним и рейки. Отличные инструменты производства немецкой фирмы Цейс. Но тяжелые и громоздкие для узких печек на крутопадающих пластах.

В шахте я с рулеткой и дневником. Ежедневно из шахты – в мойку: жесткая мочалка, мыло, черная сажа и несмываемые «тени» на веках.

В кабинете – расчеты, перевод длины и градусов в направления на планшетах, метры проходки, объемы добытого угля. В тот же день – отчет начальнику.

Дни повышенной добычи

Еженедельно и чаще шли в шахту, чтобы помогать грузить добытый уголь. Мы все, именно все, идем с лопатами за забойщиками, «отбивающими» уголь, который надо «зачистить» по забою, помочь ему переместиться на нижний штрек. А там его грузят через люки в вагонетки. И сердцу радостно, когда видишь потом длинные-длинные железнодорожные составы с *нашим* углем, направляющимся на заводы, где производят оружие для войны.

Можно было и не ходить по каждому зову. Но это невозможно: мы все и каждый жили под знаком общей беды.

Уклон «Копылиха»

Расширяется фронт работ, идет подготовка новых шахтных полей. Уклон «Копылиха» пересекал обводненные пласты. Попадаешь в него, а кругом настоящий дождь и гул насосов, откачивающих воду. На замеры приходится ходить часто. На улице 40-градусный мороз, до мойки 2-3 километра. Пока идешь по улице, спецодежда превращается в скафандр. Ноги в портянках примерзают к чуням. Многие, пока не закончили проходку, переболели острой формой ревматизма, когда температура тела та же, что зимой на улице, только с обратным знаком.

Потери

Глубокое и очень тяжелое горе – потери на фронте и в шахте коллег и прекраснейших людей.

Валентин. Остроумный, веселый как праздник. Теплый взгляд, душа нараспашку. Это горный мастер по участку лавной добычи. Наш участок. Всякий раз, когда попадем на этот участок, встречаем Валентина обязательно. В один из черных дней пришли на замеры в лаву, он недолго побыл с нами, но сказал, что еще обязательно подойдет. Не пришел. Поднимался по «дудке». Это печь, выходящая на поверхность. Она пересекала пласт глины. Валентин полез по этой дудке, чтобы что-то подправить. В тот момент глина потекла. (У глины есть коварное свойство: при определенном давлении на нее породы может стать подвижной и потечь как жидкость.) Валентина эта текучая глина поглотила и ... остановилась, как обычная глина. Но человека живым достать из этого плена в узкой дудке невозможно.

Самое трудное в таких случаях – это чувство беспомощности. Смена Валентина – классные забойщики и проходчики. Это особая каста благородных людей высочайшего достоинства. «Шаромыжников» они видят сразу и в свою касту не принимают. Замечательный душевный юноша – их человек – оказался замураванным «в шар земной». Впервые мы увидели, как могут помрачнеть мужественные люди.

Идем втроем на замеры, по главному квершлагу, который «тянут» дальше. Но стоп: впереди грохот. Это обрушилась порода на еще не закрепленном участке. Впереди шли люди, их накрыло, а купол продолжает «говорить». Сколько надо чего-то невыразимого словами, чтобы немедленно не сбежать! Нет надежной техники, но очень быстро все «зашили» и уже готовы к ремонту кровли для продолжения работ. Эти люди учили меня слушать и слышать как «бубнит» кровля и как «разговаривает» лава.

Я и война

Я ничего не читаю о той войне. Во-первых, часто пишут неправду. Во-вторых, страшно было не тогда, страшно сейчас. Говорят, обескровлен культурный генофонд. Может быть, оттого так больно и страшно. Соизмерять это с тем, что было в годы войны, тошно. Я не одна такая. Я обязательно напишу о той войне, но не сейчас, а когда люди станут добрее, такими, какими они были в те годы.

Федор Аверьянович Кожевников
1925 года рождения. Майор. В НГТУ работает с 1968 г.

До войны работал в колхозе «Новая заря» коногоном, пахал, косил сено, убирал урожай, был учетчиком полеводческой бригады. В армию призван в январе 1943 г. Служба началась в Новосибирске. Нас готовили на фронт стрелками, затем минометчиками. В апреле назначен командиром стрелкового отделения.

В августе при отборе попал в школу младших авиаспециалистов, которую закончил на «отлично». Мне было присвоено звание сержанта.

На фронт прибыл под Смоленск в 142-й отдельный в авиатранспортный полк 1-й Воздушной армии механиком по приборам и кислородному оборудованию. Полк был сформирован накануне операции «Багратион». 22 мая 1944 г. началось стремительное наступление, в ходе которого был освобожден г. Минск.

Следуя за фронтом, полк часто перебазировался. Я должен был обслуживать 10 самолетов эскадрильи и 2 самолета управления полка. Я готовил к полету авиаприборы, механик – двигатель. Самолеты после боевых вылетов часто возвращались с серьезными повреждениями. Надо было быстро их восстанавливать, работа очень напряженная и ответственная. Сутками находились у самолетов, спали тут же на аэродроме под открытым небом.

Были случаи, когда попадали под бомбежку, несли большие потери. Участвовал в операции в Восточной Пруссии, продолжавшейся с 13 января по 25 апреля 1945 г.

1 мая 1945 г. мне вручили медаль «За боевые заслуги» и благодарность Верховного Главнокомандующего. После войны продолжил службу в звании младшего техника-лейтенанта.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За боевые заслуги» и др.

Иосиф Григорьевич Колкер

1918 года рождения. В НГТУ работал с 1957 по 1993 гг. деканом ССФ, ФПУ. Доктор технических наук, профессор. Заслуженный работник НГТУ

После окончания факультета технологии, эксплуатации и ремонта самолетов и моторов Ленинградского института гражданского воздушного флота в марте 1941 г. четверо выпускников, в том числе я и моя жена Вера Дмитриевна Колкер-Урлапова изъявили желание поехать на Дальний Восток. Нас направили на Хабаровский авиаремонтный завод. Хабаровск поразил нас чистотой, порядком и изобилием продуктов. Нам с женой выделили комнату в благоустроенной двухкомнатной квартире. Перед нами поставили задачу – освоить технологический процесс ремонта самолетов. На заводе ремонтировали самолеты первых поколений МП, МПР-2, У-2, Р-5, американские самолеты СЕМ МАНТИН. В основном вручную бригады рабочих высокой квалификации ремонтировали самолеты, превращая их в новые. Такой вид ремонта стоил государству огромных средств. Необходимо было наладить поточный ремонт. Мы принялись за эту работу с интересом.

Уезжая из Ленинграда, мы и не думали, что война нас застанет на Востоке. Мать, Мария Николаевна, ее племянник и мой брат остались в Ленинграде. Мой брат учился на V курсе Ленинградского института гражданского воздушного флота.

В Хабаровске мы жили неплохо, увлеченно работали. Однажды решили отказаться от буфетов и кафе и организовать питание у себя дома. Поехали с женой в город, купили набор посуды и вернулись домой. Вдруг, включив динамик, услышали, что началась война. Все четверо приняли решение пойти добровольцами на фронт. Мы прибыли в Хабаровский парк, где записались в добровольцы, и готовились к отправке. Позже мы узнали, что брат жены и мой брат ушли добровольцами на фронт, мама и племянник трагически погибли в блокадном Ленинграде. Через 3 недели нам сообщили, что дипломи-

рованных специалистов на фронт не берут, большую нужду в них испытывают оборонные заводы. Нас с супругой отправили в Арсеньев, где были построены два оборонных завода, в том числе и авиационный. Остальных наших друзей отправили на другие объекты.

На заводе обстановка была напряженной. Специалистов, как и на Хабаровском авиаремонтном заводе, всего несколько, а завод крупный. Меня направили в конструкторский отдел, а жена работала в экспедиции, готовила самолеты для отправки на фронт. Мы работали над проблемой замены материалов, так как снабжение завода было плохим. Заводы на западе страны были уже разрушены. Каждая серия самолетов выполнялась по своим чертежам и технологиям. Мы сами делали чертежи, рассчитывали и проводили летные прочностные испытания. Таким образом, небольшой коллектив делал практически одни и те же самолеты из разных материалов, но на самом деле это были разные машины. Каждая из этих машин проходила государственные испытания, но за все время не было ни одной рекламации. Коллектив работал очень ответственно. Работали сутками, иногда неделями не уходили с завода. Спали на стульях и кульманах.

Утром галушки, в обед – тарелка галушек, ложка картошки и кусочек селедочки, вечером то же самое. Оставшимся во вторую смену полагались второе блюдо и 150 граммов водки. Все работали на совесть и с душой.

На станках работали подростки, зачастую эти мальчишки стояли на ящиках из-под консервов, так как не дотягивались до суппорта. На десять таких рабочих был один высококвалифицированный мастер. Каждый полтора часа ребята ложились калачиком, клали голову на живот друг друга, но через 10–15 минут мастер будил их, и они возвращались к станкам.

Каждое утро расставляли на карте флажки, показывавшие продвижение наших войск, и каждое изменение горячо переживалось коллективом.

Самолеты испытывали сначала наши летчики, а потом машины передавали представителям военных.

Через некоторое время пришел подписанный Сталиным приказ о создании в течение трех месяцев авиационного техникума, так как Иркутский техникум не успевал обеспечивать страну квалифицированными кадрами среднего звена. Директор завода назначил меня директором этого техникума. Корпус и общежитие техникума построили в течение 3 месяцев. Прибыли преподаватели физики, математики, истории, английского языка. Все спецпредметы пришлось читать мне. Первый выпуск состоялся через два года, и все ребята остались на заводе.

Затем меня снова перевели в штат завода, а в техникуме я оставался как совместитель и замдиректора по учебной части. Через некоторое время я был назначен главным контролером качества продукции и летной службы завода. Приходилось обеспечивать качество самолетов в цехах, проводить их испытание как на земле, так и в воздухе.

Детских садов и яслей не было, а у всех были дети. Женщины по очереди оставались с детьми, на квартирах были организованы суточные детские сады. Друзья друг другу помогали, поддерживали. У меня родился сын Борис и нам стало еще сложнее. Нередко друзья отправляли нас с Верой Дмитриевной в кино, а сами оставались с Борей.

Хочется вспомнить друга Николая Семеновича Шебалина летчика-испытателя. Он испытывал в день по 12 машин. Не успевал даже выкурить сигарету, как уже подкатывали новый самолет. И так по 12 часов в сутки.

Нами был создан спортивно-военный катер КС1. В течение двух месяцев мы разработали три варианта этого катера. До сих пор эти машины можно встретить на реках России, в том числе и на Оби.

На дальнем Востоке ждали нападения японцев, поэтому все военные зоны находились под охраной зенитных установок. Однажды в г. Арсеньев были передислоцированы войска маршала Рокоссовского для войны с Японией. Нам пришлось срочно осваивать ремонт военной техники.

Мы дождались Победы, и это был радостный для всех день. Люди и радовались, и плакали.

На Дальнем Востоке мне пришлось пробыть до 1948 г., когда пришел приказ о переводе в Москву в ОКБ Лавочкина. Сначала уехала жена с детьми. Уезжал с Дальнего Востока с маленьким чемоданчиком, в который вместились все наше имущество. Во время войны мы думали лишь о том, как выполнить военное задание, выпустить больше самолетов.

К сожалению, в литературе и кино мало отражен подвиг тружеников тыла, работавших с большим напряжением сил. Люди отдавали все ради Победы.

Роза Ивановна Кострикова

1926 года рождения. В НГТУ работала с 1961 по 1996 гг.

22 июня 1941 года. Выходной день. Каникулы. Но необходимо подготовиться к очередному учебному году. Книжный магазин в селе Исетском Омской (позднее – Курганской, а теперь Тюменской) области работал по выходным. Светит яркое солнце, прохожие улыбаются друг другу.

И вдруг... Затрещал громкоговоритель на здании райсовета. Все насторожились: что-то случилось? Голос диктора встревоженно произнес: «Будет передано важное сообщение...» И дальше – о начале войны с Германией.

Все переменялось в жизни села.

Нас, школьников, уже 25 июня отправили в колхоз за 25 км от дома. К этому дню уже мобилизовали мужчин и женщин, имевших медицинское образование. Учащихся старших классов направляли в ФЗУ.

Для работающего населения дневной паек составлял 500 граммов хлеба, для учащихся и детей младшего возраста – 100 граммов.

В колхозе мы работали по 18 часов на сортировке зерна, дергали лен и коноплю. Кормили нас кашей из цельной ржи. Никто не роптал.

Закончились летние каникулы, а нас домой не отправляют: нужны рабочие руки. Никаких сведений о начале учебного года. Председатель и слушать не хочет, да он не может принять решение об отправке учеников домой.

В декабре приехал на полевой стан районный прокурор. Он распорядился, чтобы нас освободили от работы. Дали нам быка, запряженного в подводу, чтобы положить на телегу наш немудреный скарб. Сами мы по лютому морозу шли за этой подводой и радовались возвращению в теплый дом.

Каждое лето все ученики работали в местном колхозе на прополке овощей, заготовке сена и дров.

Нашего отца призвали в армию в 1942 г., но в июне 1943 г. демобилизовали и направили на восстановление животноводства в Кабардино-Балкарию. Через полгода ему разрешили вызвать семью. Ехали мы на Северный Кавказ в товарных вагонах целый месяц, останавливаясь на маленьких станциях и полустанках. Навстречу шли эшелоны с фронтов с разбитой в боях техникой для восстановления. Шли поезда с ранеными. Страшное зрелище представляли трубы разбитых при бомбежках заводов и жилых зданий Сталинграда.

Поскольку наша мама была инвалидом второй группы, мы с сестрой выполняли ее норму в колхозе. Валили деревья и сплавливали по реке, косили траву. Сена было мало, поэтому заготавливали шумиху (так называли камыш).

В нашем десятом классе в 1943 г. было 24 мальчика. Седьмого ноября их призвали в армию. Все участвовали в боях на передовой. Домой вернулись только четверо из них.

Несмотря на то, что прошло много лет с той поры, пережитого никогда не забыть.

Наше поколение остается трудолюбивым и продолжает заботиться о судьбе России с уверенностью, в том, что страна справится со всеми трудностями. Мы верим в возрождение России.

Владимир Иванович Котов

1922 года рождения. В НГТУ работал с 1956 по 1991 гг. старшим преподавателем кафедры инженерной графики

В январе 1944 г. я, Владимир Иванович Котов, в то время 22-летний лейтенант, командир 1-й батареи 941-го артиллерийского полка 372-й стрелковой Сибирской дивизии участвовал в боях по освобождению г. Новгорода. Волею случая я стал владельцем отличных наручных швейцарских часов. На фронте, да еще на передовой, наручные часы были редкостью, мечтой.

Я в то время воевал на Волховском фронте, который простирался от Ладожского озера, лежащего северо-восточнее Ленинграда, до Новгорода. Более унылой местности нельзя себе представить. Ряды невысоких песчаных холмов чередовались с большими и маленькими болотами, пройти через которые можно только зимой. Воздух влажный, в траншеях и блиндажах под ногами хлюпала вода. Дороги большей частью покрыты деревянным настилом из толстых досок или жердей, прибитых к бревнам. Такие дороги назывались лежневками.

На участке от Ленинграда до Новгорода нам противостояла группа армий «Север», численностью немногим меньше миллиона, это была одна из наиболее мощных групп гитлеровской армии. На всем протяжении участка немцы создали сильные оборонительные позиции с железобетонными дотами, массой дзотов и блиндажей, системой проволочных заграждений и минных полей. Развороченная взрывами земля на нейтральной полосе была усеяна воронками, осколками и наштигована минами.

Зимой 1944 г. верховное главнокомандование Красной Армии планировало совместными усилиями Ленинградского и Волховского фронтов окончательно очистить от немцев Ленинградскую область и восстановить движение по железной дороге Москва–Ленинград.

Первым этапом этой операции для Волховского фронта было освобождение Новгорода. На это отводилось 6 дней. По сравнению с первым годом войны соотношение сил теперь было в нашу пользу. Мы

превосходили противника по численности личного состава, орудий и танков. В воздухе теперь господствовала наша авиация.

14 января Волховский фронт под командованием генерала армии К.А. Мерецкова после тщательной трехмесячной подготовки, перешел в наступление. В 10³⁰ после полуторачасовой артиллерийской подготовки танки и пехота 59-й армии прорвали оборону противника севернее Новгорода и к утру 15 января перерезали железную дорогу Новгород–Чудово. Для того чтобы взять Новгород в кольцо, в ночь на 15 января под прикрытием темноты в метель лыжные батальоны 58-й отдельной бригады, пройдя по льду озера Ильмень несколько десятков километров, захватили на его западном берегу, южнее Новгорода, 13 деревень, создав плацдарм. Затем в бой была двинута наша 372-я дивизия.

Внезапная оттепель, необычная для января, превратила и без того труднопроходимые, поросшие кустами кочковатые ледяные поля болот в грязное месиво. Танки вязли в грязи, пушки приходилось волочить и переносить на руках, под колеса машин подкладывали охапки хвороста. Проваливаясь по колено в ледяную кашу, люди толкали автомашины и тянули их при помощи канатов. Работать приходилось под огнем противника. Все это требовало от мокрых, усталых, сутками не спавших бойцов нечеловеческого напряжения. За три дня, медленно продвигаясь, наши войска охватили Новгород с юга и севера. Для того чтобы замкнуть кольцо вокруг Новгорода, нужно было как можно быстрее перерезать последнюю оставшуюся у немцев железную дорогу, с запада соединяющую Новгород с Лугой.

Командование поручило партизанам до подхода наших войск захватить и удержать одну из железнодорожных станций на этой дороге. В ночь на 18 января партизанская бригада захватила небольшой разъезд в 10 километрах западнее Новгорода. Партизаны, используя придорожные кюветы и ямы, отрыли траншеи и заняли круговую оборону. Днем гитлеровцы предприняли против партизан около десяти бешеных атак, поддержанных бомбовыми ударами и артиллерийскими обстрелами, от которых партизаны несли большие потери. У партизан не было артиллерии, иссякли боеприпасы, и к вечеру они уже с трудом удерживали свои позиции. Спасало еще то, что заболоченная низина по обе стороны железнодорожной насыпи не позволяла немцам применить танки.

Пехотный полк 372-й дивизии, усиленный нашим артиллерийским дивизионом, спешивший на соединение с партизанами, застрял в болоте в шести километрах южнее разъезда. Создалось критическое положение, нужно было срочно помочь партизанам людьми, артиллерийским огнем и боеприпасами. По приказу командира полка из наиболее выносливых солдат и офицеров был сформирован большой

отряд, в который как артиллерист вошел и я со своими радистами. В ночь на 19 января мы, тяжело нагруженные патронами и гранатами, с большим трудом, скрытно, по лощинам, сумели пробраться к партизанам.

Я немедленно подготовил по карте исходные данные для ведения артиллерийского огня, передал их на огневые позиции дивизиона и на рассвете три батареи создали перед нашими траншеями огневой вал для отражения немецких атак. Утром к немцам подошло подкрепление: бронепоезд и платформы с солдатами войск «СС». С запада прибыла группа немецких бомбардировщиков. Выстроившись по кругу, они начали бомбить, заходя над нами по нескольку раз. Немецкая артиллерия и пушки бронепоезда открыли огонь по нашим позициям. Бомбы и снаряды взметали фонтаны земли. С визгом разлетались осколки, ослепляло пламя. Не успели оглушенные взрывами, засыпанные землей бойцы прийти в себя после артиллерийского налета, как несколько цепей пьяных эсэсовцев, бросая на ходу гранаты, пошли на нас в атаку. Я вызвал артиллерийский огонь по прострелянному ранее рубежу. Перед фашистами встал огневой вал, стена разрывов. Немцы, не ожидавшие этого, падая под огнем наших пулеметов и автоматов, отошли назад. Атака была отбита, но затишье длилось недолго, вскоре все повторилось опять. До наступления темноты было еще одиннадцать атак. Мы выстояли, потеряв больше половины бойцов убитыми и ранеными, в живых осталось всего около сорока человек. Выстояли, и важнейшую роль в этом сыграла наша артиллерия, огнем которой я управлял по радио. От сильнейшего нервного напряжения я в этот день поседел.

Последняя атака была особенно ожесточенной, фашисты рвались сквозь огонь напролом, некоторым из них удалось подойти к нашим траншеям вплотную, и они падали, расстреливаемые нашими бойцами почти в упор. Я застрелил подбежавшего к траншее немецкого офицера. Выронив пистолет, немец упал на бруствер и протянул вниз ко мне руки, его пальцы с силой сжались в кулаки, так что побелели суставы, в предсмертном усилии он пытался схватить меня за горло. Когда бой закончился и немцы были отброшены, в наступившей тишине я услышал тихое тикание и, увидев под ногами, на дне траншеи светящийся циферблат, поднял часы с лопнувшим ремешком, которые, вероятно, свалились с руки убитого мною офицера.

С наступлением темноты бронепоезд с остатками немецких войск ушел. Удивительно, но немцы никогда не атаковали в ночное время. Утром 20 января к разъезду с юга и с севера подошли наши части. Кольцо окружения вокруг Новгорода окончательно сомкнулось. Немцы уже больше не пытались выбить нас с разъезда, а к середине дня мы узнали что Новгород взят нашими войсками. Враг потерял здесь семнадцать тысяч человек.

Город был разрушен, жители угнаны, всюду громоздились груды битого кирпича. Во всем городе уцелело лишь несколько десятков зданий. Величайшие памятники древности были взорваны. От многих зданий и церквей остались лишь остовы. Софийский собор был разграблен, золото купола было ободрано, городской сад сожжен. Знаменитый памятник тысячелетия России, сооруженный в Новгороде в 1862 г., был распилен на куски для переплавки. Немцы не успели его вывезти и в сугробах лежали бронзовые изваяния Александра Невского, Петра I и А.В. Суворова.

Наша 372-я стрелковая Сибирская дивизия, как и ряд других соединений, отличившихся в бою, стала называться Новгородской.

Часы носил до 1956 г., позднее отдал их в музей

Потом мы узнали, что партия таких часов была закуплена Германией в Швейцарии для награждения ими офицеров войск «СС».

Награжден орденами Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны II степени и медалями.

Николай Аврамович Майдан

1920 года рождения. Полковник. С 1941 по 1945 гг. воевал на Западном, Центральном, 1-м Белорусском фронтах. Находился в распоряжении главного разведывательного управления генштаба по выполнению специальных заданий в тылу противника. В НГТУ работал с 1970 по 1980 гг.

В годы Великой Отечественной войны меня неоднократно направляли в глубокий тыл противника для выполнения специальных заданий. Все они, в основном, сводились к разведывательно-диверсионной работе и организации местного населения на борьбу с фашистскими оккупантами.

Одно из таких заданий с группой из 9 человек (в их числе были и две девушки) в 1942–1943 гг. мне пришлось выполнить на Брянщине, в районе Сечи, где находился хорошо оборудованный немецкий военный аэродром, на котором базировалось большое количество бомбардировщиков. Наши самолеты неоднократно бомбили Сещенскую авиабазу. С воздуха казалось, что каждая такая бомбежка наносила немцам большой урон. А немецкие самолеты продолжали взлетать и бомбить наши города и боевые порядки войск. В ходе выполнения задания нам удалось установить, что в 7–8 км от действительного аэродрома и посадочных площадок немцы оборудовали ложный аэродром и посадочные площадки, которые и бомбила наша авиация.

По рации мы передали точные координаты действительного и ложного аэродромов. В течение трех ночей подряд наша авиация массированными налетами бомбила действительный аэродром и посадочные площадки. После каждой бомбежки наше командование просило подтвердить результаты бомбежки. Немцы не ожидали такого налета и потеряли около 80 самолетов. Отмечалось прямое попадание бомб в казармы, где размещался летный и технический состав. Немецкое командование долго не могло восстановить аэродром и наладить службу авиабазы.

Вскоре нам удалось связаться с интернациональной подпольной группой, руководимой комсомолкой Аней Морозовой, действовавшей в Сече. Мы стали снабжать подпольщиков магнитными минами.

Поляки и чехи, работавшие на аэродроме, приклеивали эти мины к самолетам, а последние взрывались в воздухе.

В ходе выполнения задания группой было спущено под откос 13 воинских эшелонов с живой силой и техникой на железной дороге Рославль–Брянск–Клинцы–Новозыбков, подорвано 26 автомобилей с живой силой и снаряжением. Была захвачена немецкая полевая радиостанция с шифром и радиogramмами и доставлена нашему командованию через линию фронта. По рации передавалась различная военная информация о движении и дислокации немецких войск.

Было организовано обучение партизан подрывному делу, что позволило объявить немцам «рельсовую войну». А каких трудов и риска стоило подорвать дорогу и пустить под откос эшелон! Немцы тщательно охраняли железную дорогу. На железнодорожной насыпи через каждые 500–700 м стояли вышки, на которых были установлены прожекторы и пулеметы. Каждый километр железной дороги охраняли по 3–5 пар патрулей. Там, где железная дорога проходила по лесу, по обе стороны дороги лес вырубали и создавали завалы. Подходы к железной дороге минировали. В течение нескольких ночей мы проползали не один километр, чтобы установить мину. Иногда немцам удавалось обнаружить и снять мины, но после того как полковником Стариновым были изобретены противопоездные мины, при разминировании немцы сами взлетали в воздух. По 2–3 эшелона удавалось подрывать Пете Немыткину, Володе Авдееву, Кате Тарасову, Володе Сергееву. Ваня Атякин обеспечивал бесперебойную связь с «Большой землей». Все участники группы были награждены боевыми орденами.

С того времени прошло шесть десятилетий. Но я и сейчас с большой теплотой и гордостью вспоминаю этих ребят, мужественных, смелых, знающих свое дело, заботливо относившихся к товарищам.

В ходе выполнения задания большую помощь нам оказало командование 1-й Клетнянской партизанской бригады во главе с командиром Федором Данченковым. Боевая связь с бригадой позволила развернуть партизанское движение в Клетнянском лесу на Брянщине. Об этом рассказывает кинофильм «Вызываем огонь на себя», который поставлен по повести моего боевого товарища Овидия Горчакова, неоднократно выполнявшего специальные задания в глубоком тылу у немцев. Подвиги нашей боевой группы легли в основу повести Ф. Данченкова «Особое поручение».

За выполнение боевых заданий я награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени, Отечественной войны II степени и медалями.

Василий Иванович Мащенко

1919 года рождения. Полковник. В НГТУ работает с 1965 г. Преподаватель кафедры научного коммунизма, редактор бегущей строки, освобожденный председатель Совета ветеранов. Заслуженный работник НГТУ

Служба свою я начал в 1938 г. секретарем райотдела в органах НКВД. Носил форму и оружие. С июня 1940 г. – старший уполномоченный. В феврале 1941 г. был направлен на курсы повышения квалификации в Одессу, где меня и застала война. Из числа курсантов был создан истребительный батальон по борьбе с вражескими десантниками. Первое боевое крещение получил на посту во время бомбежки. Падали мины и зажигалки, слышались крики, плач, взрывы, кругом все горело. Горел даже асфальт рядом со мной. Я не знал, что делать, было очень страшно. Штыком начал сбрасывать зажигалки с тротуара на мостовую. Бомбежка длилась около 30 мин. Ночью снова бомбили самолеты, стреляли зенитки, кричали и плакали женщины и дети. Однажды во время патрулирования по городу мы встретили «попрошайку», который все повторял: «У Дюковском парке зенитки стоят». Мы задержали этого якобы бродягу и обнаружили у него передатчик.

Враг приближался к Одессе. Нас перебросили ближе к передовой, где мы и вступили в бой. Там я был ранен и эвакуирован из Одессы в город Сталино. Мы плыли по Черному морю грузовым пароходом «Курск», на котором было много раненых, женщин и детей. Самое страшное начиналось тогда, когда на пароход налетали немецкие бомбардировщики. На наше счастье, в пароход попала только одна бомба. Повреждена была часть кормы, но плыть было можно. В Севастополе, Ялте, Феодосии нас не приняли, разгрузились только в Жданове (теперь – Мариуполь). Меня направили в областное управление г. Сталино, а оттуда в г. Снежное, где я был комендантом города в сентябре-октябре 1941 г. 30 октября город был сдан. Нас перебросили в Ворошиловград, а потом в Сталинград. Меня вначале назначили старшиной пересыльного пункта, а потом направили в запасную

4-ю артиллерийскую бригаду, которая готовила разведчиков и топографов. Мне присвоили звание сержанта и назначили помощником командира топовычислительного взвода, непосредственно участвовавшего в обороне Сталинграда. Запомнилось, как горела нефть, разлившаяся в Волгу из разбомбленных цистерн, горели небольшие суда, лодки. Вся Волга была в огне.

В мае 1943 г. нашу 20-ю артиллерийскую дивизию, где я служил в разведвзводе, после формирования и укомплектования техникой отправили в район Курской дуги в составе корпуса прорыва резерва главнокомандования. 5 июля 1943 г. немцы перешли в наступление, но, встретив ожесточенное сопротивление, большого успеха не достигли. На нашем участке фашисты не продвинулись. Но это было страшное побоище – земля гудела. 12 июля наши войска перешли в наступление. Я готовил данные для стрельбы 152-миллиметровых пушек. После Курской битвы участвовал в боях за освобождение Орла, Брянска, Великих Лук, Пскова, Белоруссии.

В мае 1944 г. был направлен в Горьковское военно-политическое училище. Окончив училище в звании лейтенанта, получил назначение в г. Пушкино, где формировались большие соединения для отправки на Дальний Восток для войны с Японией.

Я был назначен комсоргом в 521-й отдельный артиллерийский самоходный дивизион. После формирования частей эшелонам прибыли в Монголию, где стали готовить технику к большому переходу. Совершив 1600-километровый переход, мы вышли к границам Маньчжурии. Очень трудный был переход: степь, пески, отсутствие воды. Солдаты погибали от солнечных ударов и от жажды, были случаи самострелов. Когда проходили Малый Хинган, в горах увидели заросли диких абрикосов. Плоды были еще зелеными, но солдаты, несмотря на предупреждение, ели их. Это вызвало у многих расстройство желудка. Из строя выходили целые взводы, что пагубно сказалось на боевой готовности. А через двое суток перешли в наступление.

Вначале мы не встретили большого сопротивления японцев, первая линия была прорвана, а на второй линии шли упорные бои в течение 5–7 суток. Большую опасность представляли отряды японцев, предпринимавшие ночные вылазки. Случалось, японцы вырезали весь взвод.

Снабжение было нерегулярным. Не было хлеба, соли, сахара. Мясо добывали сами – резали скот. Муку, сахар, крупы сбрасывали с самолетов с высоты 100–150 м. Некоторые мешки разбивались, поэтому приходилось муку собирать с земли. Потом сами пекли и варили что могли.

Приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 23 августа 1945 г. мне наряду с другими товарищами была объявлена благодарность за отличные боевые действия в боях при форсировании

горного хребта Большой Хинган и преодолении безводных степей Монголии.

После окончания Великой Отечественной войны закончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина. В 1965 г. был демобилизован из армии по выслуге лет.

Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, многими медалями, в том числе медалью «За боевые заслуги».

Лидия Михайловна Мурзина

1919 года рождения. В НГТУ работала с 1954 по 1989 гг. преподавателем иностранных языков

В 1937 г. после окончания средней школы в г. Барнауле я поступила в Томский государственный педагогический институт на факультет иностранных языков, избрав специальность «английский язык». Последний государственный экзамен наша группа сдала 20 июня 1941 г.

Меня распределили в Тяжинскую среднюю школу Томской области. Когда я приехала в Тяжин, мне сказали, что места для учителя английского языка в этой школе нет. Меня направили в Итатскую среднюю школу. Итат находится в 12 км от железнодорожной станции Некрасовская, но это село называли станцией Итат. В школе меня приняли хорошо. Через несколько дней вместе с учениками уже выехали на уборку картошки, потом убирали лен, заготавливали дрова.

Заготовка дров проходила в пяти километрах от села. Нужно было свалить дерево, обрубить сучья, распилить на небольшие бревна, затем – на мелкие, нарубить и сложить дрова в поленницу. Работа была нелегкая, тем более что среди нас специалистов по заготовке дров не было, как и мужчин. Норма заготовки дров – 3 кубометра на одного человека, это значит, что работать приходилось с раннего утра и до позднего вечера. В бригаде – пять молодых девушек. Так прошел август 1941 г.

Начались занятия в школе. Нагрузка у меня была большая – 48 часов в неделю, так как я вела занятия во всех классах – с 5-го по 10-й. Занятия проходили в четырех небольших одноэтажных домах и во время перемены нужно было перебегать из одного здания в другое. Уставала, конечно, но ученики приняли меня очень хорошо и были внимательны на занятиях, это меня радовало.

После занятий трехчасовой перерыв на обед и отдых, а затем об-молот до 6 часов утра. Комбайнов не было, работали простые молотилки. Приходилось взбираться на эту молотилку высотой примерно

с двухэтажный дом. Серпом разрезали сноп, потрошили его и подавали в машину. После молотьбы к 8 утра спешила на уроки. Так жизнь и шла по кругу.

Нам, учителям, приходилось работать с населением. Было много эвакуированных семей военнослужащих. Избалованные жены офицеров привыкли к тому, что всю домашнюю работу выполняли за них денщики, состоявшие при их мужьях. Жены офицеров думали, что и здесь их будут обеспечивать всем необходимым. Вот мы и вели с ними разъяснительную работу. Еще были немцы, эвакуированные из волжских городов. С ними было еще труднее. Они говорили по-русски, но только тогда, когда им нужна была помощь. Если же что-то требовали от них – сразу же переходили на немецкий, утверждая, будто русского не понимают.

Распространяли мы и лотереи, облигации внутреннего займа. Зимой продолжалась заготовка дров.

Организовали сбор вещей и продовольствия для отправки на фронт, ходили по домам. Люди понимали, что фронт нуждается в поддержке и охотно помогали.

Через год по семейным обстоятельствам я вернулась в Барнаул. Работала в Радиокomitee литсотрудником, готовила передачи «Последние известия» и передачи на сельскохозяйственные темы.

В 1944 г. начала работать в 1-й средней школе учителем английского языка, где раньше училась. С учениками выполняли различные хозяйственные работы, собирали продукты и вещи для посылок на фронт и отправляли их. В школе я работала до 1946 г., а затем меня пригласили на работу в сельскохозяйственный институт преподавателем английского языка.

9 мая был светлый солнечный день, сама природа ликовала. Народ собрался на площади Свободы, все радовались и от счастья плакали... Мы с учениками тоже были там. Мы этого дня ждали и приближали его своим трудом.

Михаил Семенович Муругов

1919 года рождения. Полковник.
В НГТУ работал с 1956 по 1991 гг. преподавателем военной кафедры

В мае 1941 г. 9-я артиллерийская противотанковая бригада, в которой я в должности сержанта командовал орудием, располагалась в литовском городе Шауляе. Личный состав занимался боевой подготовкой. В ночь с 19 на 20 июня по тревоге бригада, совершив марш, заняла противотанковый рубеж в 60–65 км от границы с Восточной Пруссией. Расчеты орудий приступили к оборудованию огневых позиций. Командование разрешило пилить лес для устройства накатов в окопах и землянках. Нам стало понятно, что готовимся к военным действиям.

Ранним утром 22 июня мы увидели немецкие бомбардировщики, направлявшиеся в глубь нашей страны. Началась война. Командир батареи объявил, что Германия вероломно напала на СССР.

23 июня в 11 ч немцы подвергли бомбардировке и артиллерийскому обстрелу наш боевой порядок. Спустя некоторое время появились немецкие танки и автоматчики. Командир батареи приказал открыть огонь. Расстояние до танков – 800–900 м. Первые машины были подбиты, некоторые из них загорелись. Наступление было сорвано. Нас охватило радостное чувство. Во второй половине дня немцы вновь предприняли наступление, но результат был тот же. Враг на нашем участке фронта не прошел. На следующий день стало известно, что немецкие танки и мотопехота прорвали фронт на другом участке и вышли в наш тыл на глубину в 60–70 км. Надо было отходить на другой рубеж. Так с боями приходилось отступать от одного рубежа к другому в восточном направлении. Мы несли потери.

В сентябре 1941 г. по приказу начальника Генерального штаба части бригады были сняты с фронта и направлены в г. Коломну на переформирование. Из оставшихся частей бригады и пополнения было сформировано четыре артиллерийских противотанковых полка. Я был назначен командиром орудия в 296-й полк. Во второй половине

октября полк прибыл на фронт и занял оборону в районе Волоколамска. Немцы отчаянно рвались к Москве. Шли тяжелейшие бои. В боях при обороне Москвы полк уничтожил свыше 30 танков и бронемашин противника. Наш полк также нес большие потери, но мы не отступили.

За успешные боевые действия в январе 1942 г. нашему артиллерийскому полку было присвоено звание 2-го Гвардейского. В одном из боев и мой орудийный расчет подбил 2 танка и бронемашину. Я был награжден орденом Красной Звезды.

С декабря 1941 г. полк в составе 16-й Армии генерала Рокоссовского вел боевые действия в наступлении против немцев под Москвой. На протяжении 1942 г. полк участвовал в наступательных операциях фронта. Расчет моего орудия уничтожил несколько немецких дзотов на переднем крае обороны.

В начале 1943 г. я был направлен в Сумское артиллерийское училище, эвакуированное в г. Ачинск. Окончив училище в октябре 1943 г., получил направление на 1-й Украинский фронт в 8-ю Гвардейскую артиллерийскую бригаду. С этой бригадой в должности командира артпарка, а затем командира батареи прошел боевой путь от Киева через Польшу до Германии. 4 февраля 1945 г. при форсировании реки Одер был тяжело ранен. За бой на переправе был награжден орденом Отечественной войны I степени. Из госпиталя был выписан в июне 1945 г. Демобилизовался из рядов Советской Армии в 1956 г.

Награжден двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды и медалями.

Алексей Константинович Орехов
1921 года рождения. Полковник. В НГТУ
работал с 1972 по 2001 гг.

Прошло уже более полувека после окончания Великой Отечественной войны. Война стала частью моей жизни, жизни моего поколения. У нас вместо молодости была война. Она давила нас 1418 дней и ночей. Мне война запомнилась как один бесконечно длинный, прожигающий стужей день.

Объявление войны я встретил в Энгельсе, курсантом авиационного училища летчиков.

По окончании училища, где я освоил скоростной бомбардировщик, в конце августа 1942 г. был направлен в запасной авиаполк. Здесь обучали управлению штурмовиком ИЛ-2. Самолет ИЛ-2 предназначался для нанесения бомбово-штурмовых ударов по переднему краю и по тыловым объектам противника: железнодорожным станциям, аэродромам, переправам. Этот самолет мог нести до 600 кг бомб, 4 реактивных снаряда, был вооружен двумя пушками и двумя пулеметами.

После переучивания мы получили на самолетостроительном заводе г. Куйбышева машины и полетели на фронт. Так волею судьбы я оказался на 1-м Украинском фронте. Это было 17 июля 1944 г. Боевые действия шли за освобождение западных районов Львовской области. Я был зачислен в авиаэскадрилью Ивана Ивановича Морозова, который был хорошим летчиком. Имея большой боевой опыт, он знал и умело применял, сообразуясь с обстановкой, различные тактические приемы. От начала Курской операции и до конца войны авиаэскадрилья Морозова не потеряла ни одного экипажа, тогда как другие несли потери. В конце 1944 г. Ивану Ивановичу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Боевое крещение я получил в августе 1944 г. Командованием было принято решение нанести удар по складу противника в 15 км за линией фронта. Вылетели две группы по 8 самолетов в каждой. Первую

группу возглавлял И.И. Морозов, вторую – Герой Советского Союза П.И. Сибиркин. К цели шли в боевом порядке. Я был замыкающим. Нас прикрывали истребители. Удар наносили фугасными бомбами, пикируя с высоты 1100 м. Мое внимание было направлено на ведущего, на выдерживание интервала и дистанции в полете и при нанесении удара. Сделали два захода, ведущий передал по радио: «Конец атаки, сбор». После посадки командир эскадрильи собрал нас для получения сведений о том, кто и что видел. Я слушал и недоумевал: о какой зенитной артиллерии говорят мои товарищи? не было ни одного разрыва снаряда зенитной артиллерии. Пока не совершил 10 боевых вылетов, не видел разрывов снарядов зенитной артиллерии. Потом я узнал, что так было с каждым из легчиков.

Во время первых боевых вылетов слишком велико нервное напряжение. Статистика говорит о том, что летчиков-штурмовиков обычно сбивали в первых 10–15 вылетах, так как пилот сильно напряжен, внимание приковано к ведущему, поскольку нужно выдержать интервал и дистанцию.

На войне сильно развито чувство ответственности за выполнение боевой задачи и взаимной выручки. Думаю, это было не только у нас, а во всех родах войск.

В одном из боевых вылетов при нанесении удара по железнодорожной станции в районе Львова после третьего захода был сбит командир полка. Снаряд попал в двигатель. Командир передал по радио: «Отказал двигатель, иду на вынужденную, группу возглавить заместителю».

Миша Карпухин – двадцатилетний парнишка, быстро оценив обстановку, пренебрегая опасностью, выпустил шасси и произвел посадку на территории противника вблизи машины командира полка. Подрулив к самолету командира, не выключая двигателя, посадил командира и воздушного стрелка в кабину своего самолета и взлетел.

Посадку и взлет Карпухина прикрывали остальные экипажи, не давая немцам возможности приблизиться к месту посадки.

В феврале 1945 г. за успешные боевые действия, смелость и отвагу М.Т. Карпухину было присвоено звание Героя Советского Союза.

Были случаи, когда на подбитых самолетах наши летчики садились на нейтральной полосе, и их выручали наши пехотинцы.

Вспоминается, как в дни стабилизации фронта, или «затишья», наше радио обычно сообщало: «За прошедшие сутки на фронте ничего существенного не произошло». А мы, находясь в 15 км от фронта, постоянно слышали канонаду, а на расстоянии трех километров – пулеметные очереди. Мне тогда думалось, что труднее всего

приходилось нашим пехотинцам, находившимся в постоянном напряжении. Когда при встречах узнаю, что товарищ воевал в пехоте, испытываю к нему огромное уважение.

Мне пришлось участвовать в 50 боевых вылетах. Более 40 ударов произвела моя боевая машина по наземным целям вблизи линии фронта – пехоте, артиллерии и танкам, а также железнодорожным узлам, мостам, переправам.

Сейчас мы говорим: страна стояла насмерть. И все мы, жертвуя жизнью, здоровьем, молодостью, на фронтах и в тылу добывали желанную, светлую, святую Победу.

В заключение хочу обратиться к нашим внукам: «Помните, что жизнь каждого из вас оплачена миллионами жизней известных и неизвестных солдат самых разных национальностей нашей страны. Память о них свята!»

Зоя Александровна Основич

1925 года рождения. В НГТУ работала с 1956 по 1993 гг. доцент кафедры электрических машин. Кандидат технических наук

Уроженка Ленинграда, я пережила страшные дни блокады. Перед войной я закончила 8-й класс. Отец в 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Он был членом партии с 1924 г. Мы с мамой остались вдвоем.

Я в июле 1941 г. поступила работать секретарем в Промбанк, откуда мой отец ушел на фронт. Все учреждения Ленинграда были на военном положении, работали на строительстве оборонительных сооружений вокруг Ленинграда.

Все мужское население ушло на фронт, поэтому на рытье окопов работали девчонки 16–18 лет. С августа 1941 г. начались регулярные бомбежки города. Первая же бомбежка разрушила соседний дом, а стена моей комнаты, примыкавшая к этому дому, дала трещину. Первые бомбежки разрушили водопровод, трамвайные пути. Не было электричества, дрова затопило в подвалах. Бомбежкой были разрушены крупнейшие продовольственные склады. Начался голод. Запасов продовольствия ни у кого не было, тогда не принято было запасаться впрок.

На сгоревшие продовольственные склады мы ходили, чтобы собрать землю, впитавшую в себя сгоревшие продукты. Промывали эту землю и пили коричневую немного сладенькую водичку. В ней что-то оставалось от сгоревших продуктов.

У нас в доме был старый столярный клей, его небольшие плитки мы размачивали и варили из них «холодец». Вкус этого «холодца» я помню до сих пор. Варили его в топке печки, которую установили в комнате. Дров не было, чтобы сварить клей и согреть воду. Топили печку, мебелью и старыми журналами.

На работе нам иногда выдавали немного жмыха и мучного супа. Это был настоящий праздник для нас. Воду возили на саночках. Добраться до Невы сил не было, поэтому воду экономили: не умывались, не стирали. Дома было очень холодно, окна были забиты фанерой. Ходили дома в пальто. Освещали комнату маленькой коптилкой. Скрученный из ваты фитиль вставляли в посуду с жиром. Этот осветительный прибор давал мало света, но сильно коптил, и лица Ленинградцев были черными от сажи.

К концу 1941 г. мы с мамой начали опухать от голода и не оставалось надежды на то, что мы выживем. Это было самое трудное блокадное время.

22 марта 1942 г. нас с мамой как семью фронтовика вывезли из Ленинграда.

Людмила Павловна Панасенко

1934 года рождения. Ветеран труда.
В НГТУ работала с 1960 по 1977 гг.
доцентом кафедры физики

Когда началась война, наша семья жила в 100 км от Ленинграда, в г. Терийоке (ныне – Зеленогорск). Отца, Павла Васильевича Аксенова, в мае 1941 г. призвали на военные сборы. У него была мирная профессия – бухгалтер. По состоянию здоровья он был годен только для штабной работы, но когда командир отдельного батальона был убит, он принял командование.

В сентябре 1941 г. в одной из атак под Ленинградом он погиб. Когда возникла опасность прорыва немецко-фашистских войск, нашей семье как семье офицера была предоставлена возможность выехать на открытой грузовой машине с минимумом вещей в Ленинград.

В Ленинграде нас приютила семья друзей. Вскоре я и брат четырех лет заболели корью. А после выздоровления выехать из Ленинграда уже было нельзя – сомкнулось кольцо блокады. По распоряжению военкома нам разрешили жить в одной из комнат большой коммунальной квартиры, хозяева которой уехали еще до войны. В этой комнате мы и жили до эвакуации 1 апреля 1942 г. К этому времени ледовая дорога на Ладожском озере уже начала разрушаться. На одной из машин, которая возила в город муку, мы доехали до станции Жихарево на берегу озера, а потом уже в товарном вагоне – до станции Киров, где жили наши родственники, благодаря которым мы через несколько месяцев поднялись на ноги: у нас была тяжелая форма дистрофии.

В августе-сентябре 1941 г. улицы Ленинграда выглядели еще как обычно: на улицах много прохожих, трамваи, автомобили. Необычно было только видеть аэростаты заграждения. Их, как огромных рыб,

тащили на веревках по улицам. На домах появились надписи «бомбоубежище». Большие витрины магазинов и памятники были обложены мешками с песком. Золоченые шпили покрыты брезентом. Что было на улицах зимой, не знаю, так как с наступлением холодов мы, дети, перестали выходить на прогулки. Мама ходила за хлебом, за дровами на развалины домов, на реку, за водой, когда отключили водопровод, за супом, который выдавали нам на троих в офицерской столовой. Уходила с утра и возвращалась вечером, так как везде были очереди. Вечером на железной печке зажигали коптилку, которую выменяли у соседа. Каждую порцию хлеба мама разрезала на крохотные кубики, которые мы должны были есть по одному.

Осенью по сигналу «воздушная тревога» мы спускались в бомбоубежище. Однажды в наш дом попали 6 зажигательных бомб, но дежурные сбросили их с крыши.

После наступления холодов мы перестали ходить в бомбоубежище: не стало сил. Да и мама сказала: «Одним вам ходить по лестницам и по двору опасно, а вечером и ночью мы все вместе, так что уж, если что, – так и хорошо – один конец». Мы согласились с нею.

Как мы, дети, проводили время? Когда перестали выходить на улицу, то все время проводили под одним одеялом на широкой кровати хозяев комнаты. В комнате и днем было темно: занавеску-штору не снимали и не раздвигали. Обогревались под одеялом, тесно прижавшись друг к другу.

Как ехали по Ленинграду от дома до Ладоги, не помню. Но на «дороге жизни» попали под обстрел. И несмотря на просьбы женщин остановиться, шофер лишь увеличивал скорость. До берега добрались благополучно.

Иван Андреевич Пашков

1923 года рождения. Полковник. В НГТУ работает с 1979 г. Начальник отдела гражданской обороны, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций

Когда началась война, я учился в Чугуевской школе летчиков-истребителей. 22 июня нас подняли по боевой тревоге. За время моей учебы часто проводились учебные тревоги, но эта была необычной: на построении была поставлена задача рассредоточить самолеты по границе аэродрома, отрыть щели для укрытия, начать изучение силуэтов самолетов своих и фашистских.

В августе 1941 г. после ускоренного окончания Чугуевской школы летчиков-истребителей я был направлен в 147-ю истребительную авиационную дивизию в г. Ярославль. С этого времени началась моя боевая деятельность.

Фашистская авиация постоянно совершала налеты на охраняемые нашей дивизией города. За время войны мне пришлось совершить более ста дневных и ночных вылетов.

В июле 1942 г. я вылетел для отражения очередного вражеского ночного налета на г. Рыбинск. Над облачками встретил немецкий бомбардировщик Хе-111 и, сблизившись с ним, на расстоянии 100–150 метров произвел длинную очередь из всех огневых точек, однако стрелял только один левый крупнокалиберный пулемет. Стрелки бомбардировщика открыли ожесточенный огонь по моему истребителю. Перезарядив пушки и пулеметы, я произвел несколько повторных атак. Бомбардировщик накренился и начал падать.

В июле 1944 г. наш 849-й истребительный авиационный полк был передислоцирован из г. Рыбинска в г. Смоленск – непосредственно к линии фронта. Намечалось наступление наших войск. Участились налеты фашистской авиации на железнодорожный узел Смоленска, где велась разгрузка соединений и частей 2-го Белорусского фронта.

В июле 1944 г. летчикам нашего полка, в том числе и мне, пришлось отражать налет большой группы немецких бомбардировщиков. Набрал высоту 3500 м, я увидел звено бомбардировщиков Хе-111. Выстрелами из пушек и пулеметов я не дал им прицельно сбросить бомбы, а с одним из них пошел на сближение. Приблизившись к самолету на 50–100 м, начал стрелять. Бомбардировщик взорвался, но и мой самолет был поврежден. Машина стала сильно крениться влево, управлять было тяжело. Тем не менее я благополучно приземлился на аэродроме Смоленска, хотя самолет сильно обгорел.

Через несколько дней ночью я находился во второй готовности, т.е. отдыхал непосредственно у самолета. Облачность низкая. Ракета – немедленный вылет. Взлетев, попал в облака, вести самолет можно было только по приборам, а они почему-то отказали. Снижаться под низкий нижний край облаков – смертельно опасно. Стал наудачу пробивать облака вверх. Осмотрелся – на расстоянии примерно 500 м вижу справа в развороте Хе-111.

Приближаюсь – фашистский экипаж меня не замечает. На расстоянии 50–100 м дал длинную очередь из четырех пушек. Фашист взорвался. Но, к сожалению, и мой самолет загорелся и стал беспорядочно падать. Пришлось выброситься с парашютом. Но парашют прошел между ногами и я повис вниз головой. Сначала не понял, что произошло, а потом разобрался, перебрал ноги через лямки парашюта и стал опускаться. Опускаюсь и вижу, как тысячи трассирующих пуль и снарядов озаряют все подоблачное пространство. Если бы меня обнаружили прожектора, сколько бы огневых средств было на меня наведено! Но все обошлось благополучно. Я приземлился в поле на окопы. Но где я?

Я пошел по окопу, спустился в овраг, чуть в стороне – несколько домишек. Я подошел к одному из них, постучал. Отозвался женский голос. У женщины я узнал, где нахожусь. Я оставил у дома парашют и стал продвигаться к юго-западу – на Смоленск. Прошел километра полтора и вдруг голос: «Стой, кто идет?» Это была наша зенитная точка. Расчет оказал мне первую медицинскую помощь, так как у меня был сильный ожог лица. Через некоторое время на автомашине за мной приехали командир дивизии, полковник Погребняк и начальник политотдела Проскурин. Угостили меня стаканом водки и привезли на аэродром.

Войну закончил в Риге.

Награжден орденом Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны II степени и медалями.

Александр Освальдович Пусеп

1921 года рождения. В НГТУ работал с 1956 по 1994 гг. доцентом кафедры физики. Кандидат технических наук

Начало войны я встретил будучи студентом I курса Новосибирского педагогического института. Осенью 1941 г. я перевелся в Красноярский пединститут, так как НГПИ эвакуировали в г. Колпашев, а Красноярск был моим родным городом.

17 декабря 1941 г. я получил повестку из райвоенкомата и должен был отправиться на фронт – в Сибирский лыжный батальон, так как был неоднократным призером межвузовских лыжных гонок. Но вместо фронта попал в Алтайский край, в поселок Осипенко, где оказался в стройколонне вместе с бывшими уголовниками и сыновьями «врагов народа», так как мой отец по сфабрикованному обвинению был арестован и расстрелян в 1937 г.

Работали мы на прокладке железнодорожной ветки к месту строительства завода танковых двигателей. Спали в бараках на трехъярусных полках. Работал тяжелым ломом на сооружении фундаментов будущих цехов. Питание двухразовое, скудное. Стояли сильные морозы, а одежда у меня обветшавшая. Уже в феврале меня, сильно ослабевшего, перевели на более легкую работу. Здесь я работал на строительстве служебных помещений. Когда из г. Горького прибыло оборудование, меня перевели в электромонтажники.

В мае 1942 г. проводилась медкомиссия по отправке на фронт, так как основные работы на стройке были закончены. Но у меня обнаружили туберкулез правого легкого в открытой форме и отправили в Новосибирск, в госпиталь № 333, откуда сразу перевели на лечение в туберкулезный институт.

В 1945 г. закончил физмат НГПИ. Во время учебы работал лаборантом кафедры физики.

В НЭТИ работал с 1956 по 1994 г.
Награжден медалями «Ветеран труда», «Труженик тыла», «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны» и др.

Владимир Васильевич Сбоев

1925 года рождения. В НГТУ работал с 1954 по 1996 г. доцентом кафедры ТмиСМ. Кандидат технических наук

В 1942 г. я был направлен в Киевское военное училище связи, дислоцировавшееся в Красноярске. Нас обучили по курсу молодого бойца и направили на Калининский фронт под Москву. Меня зачислили пехотинцем в 379-ю стрелковую дивизию. Наше пополнение состояло примерно из 3500 солдат 17–18-летнего возраста.

Когда старшина выдавал винтовки, то всем говорил: «На тебе жинку», а мне дал карабин и сказал: «На тебе мамку». Это потому, что тогда рост мой был 145 см, а вес – 45 кг. Первое время над нами шефствовали 40–45-летние обстрелянные «старики». Они нас научили по звуку выстрела определять, откуда прилетит немецкая мина, когда можно сделать перебежку, если пулеметная очередь прошла мимо тебя, как перебегать, как окапываться, в какие воронки от снарядов прятаться и многому другому.

Меня контузило на десятый день. Я был без сознания, когда меня подобрали санитары и отправили в медсанбат. После выздоровления направили в роту связи. Опыт стариков особенно пригодился зимой, в сильные морозы. Немцы при отступлении занимали заранее подготовленные позиции на высотах, а мы находились внизу в болотах или кустарниках, прятались за кочки. Ночью во время отдыха зарывались глубоко в снег, подстилали ветки или камыши затем клали одну шинель, на нее ложились вдвоем или втроем на один бок, спали часа полтора-два, а потом поворачивались на другой бок. Кто не придержи-

вался наших способов выживания, обмораживался или замерзал совсем. Потери были большие. Связь все время рвалась. Приходилось под обстрелом выбегать, соединять обрывки провода.

Однажды метрах в трех от меня взорвалась мина. Меня оглушило, забило рот землей, но осколками не задело. Весной 1944 г. мы пытались взять станцию Маево. Кроме артиллерии нас обстреливали немецкие многоствольные минометы. Связь все время рвалась. Я заметил, что на перезарядку минометов требуется примерно 10 мин и предложил оставаться в зоне обстрела, прятаться в свежую воронку, выбегать, соединять обрывы и так до очередного залпа. За это мне присвоили звание ефрейтора.

Особенность действий телефониста на переднем крае в том, что когда под огнем противника пехота замечает обрыв линии связи, она в это время как раз очень нужна. На открытых местах приходилось различными зигзагами и змейками перебегать и переползать очень шустро. В ночное время надо бежать, держась за провод, до места его обрыва. Немецкие разведчики приспособились разрывать провод и ждать у обрыва наших связистов. Так, немцам удалось взять в плен двух телефонистов из соседней части. Кто-то предложил по ночам бежать к месту обрыва с гранатой под мышкой. Так и держали провода в левой ладони, а кольцо гранаты с чекой – указательным пальцем правой руки. Два наших телефониста подорвались вместе с поджидавшими их фашистами. Противник перестал охотиться за телефонистами.

В тыловых болотах и лесах действовала 5-я партизанская бригада. С помощью партизан нам удавалось по болотам заходить в немецкие тылы группами по 5–10, а иногда по 50–200 человек. Удары с тыла были намного эффективнее, чем нападения на укрепления в лоб.

На отдыхе обязательно строили баню по-черному в виде землянки с каменкой. Парились в шапках и рукавицах, а над каменкой развешивали белье, чтобы уничтожить вшей. Фрицы были куда более завшивленными, в их землянках песок на полу шевелился от вшей. Удивительно, но эпидемий тифа не было.

На Запад продвигались с боями, но нас часто перебрасывали вдоль линии фронта иногда на 70–90 км в сутки. Пересекали границы Белоруссии, Эстонии, Латвии, но в основном шли на Ригу. Кроме немцев против нас воевала 15-я Латышская дивизия СС. 14 сентября нас бомбили и обстреливали «мессеры». Я отстреливался из придорожной канавы. Одна бомбочка попала в мостовую рядом со мной. Ударило в правую голень, оглушило, из левого уха потекла кровь, в голове шум. Три дня продолжал воевать, а 18 сентября поднялась температура,

нога сильно опухла. Направили в медсанбат, обнаружили в ноге осколок, вынули его, зашили. Быстро подлечился и, хромя, вернулся в часть. На подступах к Риге шли ожесточенные бои. По нашим позициям били береговая артиллерия и корабли. Часть попала в окружение, но продолжала наступать. Наше преимущество было и в технике, и в тактике и в стратегии.

В апреле 1945 г. меня направили на курсы младших лейтенантов во взвод станковых пулеметов «максим». Мы проучились пять месяцев, когда приехала серьезная медкомиссия и некоторых из нас по состоянию здоровья отправили в запас. Мне присвоили звание младшего сержанта и направили в запасной полк. Мне только 20 лет, а я уже «старый» солдат.

После демобилизации работал и учился в Новосибирском педагогическом институте. С 1954 по 1996 гг. работал в НЭТИ–НГТУ на кафедре теоретической механики, защитил кандидатскую диссертацию.

Людмила Сергеевна Трифонова

1933 года рождения. В НГТУ работала с 1971 по 1989 гг. преподавателем политэкономии

Когда началась блокада Ленинграда, мне было семь лет. Два самых страшных года пришлось мне прожить в блокадном городе. До сих пор, а мне уже 70 лет, я вижу во сне бомбардировки, обстрелы. Самым тяжелым временем была зима 1941-1942 гг. Как мы выжили?

Первое время, когда начинался обстрел или бомбежка, а фашисты рассматривали проспекты и линии Ленинграда в бинокли, так близко подошел враг, мы с сестрой, которой было 4 года, спускались в бомбоубежище, находившееся в подвале нашего же дома. А потом бомбежек мы уже не боялись, привыкли.

Жили на пятом этаже большого дома. Промерзшая, абсолютно темная комната, оконные стекла в которой были выбиты во время первых бомбежек, а вместо них вставлена фанера. На подоконнике мерцает огонек коптилки. Комната почти пуста, так как все вещи сожжены в буржуйке, труба которой проходит через отверстие в фанере. Сожжены почти все книги. Около буржуйки стоит металлическая кровать, где мы спим втроем: мама и мы с сестрой. Спим в верхней одежде, под тремя одеялами, так как от истощения все время мерзнем. Я время от времени трогаю сестру, чтобы проверить, жива ли она.

В январе 1942 г. в ополчении погиб наш папа. Мама, как большинство ленинградцев, была мобилизована на работу по обороне города. Сначала рыли окопы, устанавливали противотанковые «ежи». Позже она стала работать на предприятии, выпускающем патроны.

Мы с сестрой должны были ходить за водой, так как водопровод не работал. Это было очень трудно: лестница представляла собой ледяную гору, так как обессиленные люди расплескивали воду, которая застывала на ступенях.

Оставлять сестру одну не могла, боялась, что дом рухнет во время очередного обстрела. Воду в чайник набирали из воронки от снаряда, там она собиралась из разорванного водопровода. Но самым страшным испытанием был голод. 125 г суррогатного хлеба, выдававшегося на день, когда не было никакой другой еды, не могли насытить. Эту пайку мама делила на 3 части, и мы запивали ее кипятком. Постоянно хотелось есть. У меня как у старшей на тесемке на шее висел ключ от шкафа, где хранился хлеб на день. Даже за этим маленьким кусочком хлеба надо было стоять по несколько часов в очереди. Иногда выдавали по 10–15 г жиров и крупы на месяц. Это был праздник – делали «затируху» и варили «суп», бросая в воду несколько зернышек крупы. Когда маме удалось выменять на «черном» рынке плитку столярного клея, из него варили «студень». Варили и ели «бульон» из кусочков кожи.

Летом 1942 г. у мамы началась дистрофия. Нас с сестрой определили в круглосуточный детский сад. Там было хотя и скудное, но все же питание. Во сне все время видела булочки и хлеб с маслом.

Никогда не забуду звук метронома, доносящийся из репродукторов. Иногда этот звук прерывался сообщением о бомбежках и обстреле, иногда – об очередном наступлении наших войск. Весной 1942 г. жители очищали свой Ленинград от зимней грязи, нечистот и трупов. Даже мы, дети, принимали участие в очистке города. Помню, мы радовались, когда после тяжелой зимы пошел трамвай, это был праздник для всех ленинградцев.

В октябре 1942 г. нас вместе с больной мамой эвакуировали по Ладоге на Большую землю. Переправлялись на катерах. Из трех катеров лишь наш смог добраться до берега, а два других были потоплены и расстреляны фашистскими самолетами.

На берегу спасенных блокадников сразу же накормили кашей. А потом целый месяц нас в «теплушках» (на трехъярусных нарах) везли на восток страны. Люди умирали и в пути, их хоронили вдоль насыпи. Иногда эшелон сутками стоял, пропуская воинские поезда, идущие на фронт. Так закончилась для меня Ленинградская блокада.

Аркадий Васильевич Упольников
1927 года рождения. В НГТУ работал с 1969 по 1989 гг. доцентом кафедры экономики энергетики

Наша семья жила в Алтайском крае, г. Барнауле.

О начале войны мы, как и весь народ, узнали 22 июня 1941 г. Был воскресный солнечный день. И вдруг такое страшное сообщение.

Мне в то время шел 14-й год. Осенью я пошел в 7-й класс. Нас, школьников, направили в колхоз для уборки урожая, так как все мужское население было призвано на фронт. Мы выполняли всю посильную работу, несмотря на холод, недоедание.

Никто из нас не хныкал, не жаловался – все понимали, что надо помогать фронту, к работе относились серьезно. Позже нас часто направляли на заводы, эвакуированные на Алтай. Мы выполняли неквалифицированную работу. В городе было развернуто несколько госпиталей. Мы регулярно выступали перед ранеными – как могли пели, читали стихи. К тяжело раненым ходили в палаты с подарками.

В 1943 г. я окончил 8 классов и стал работать в отделении рембыт-техники. Здесь я проработал до конца 1944 г. Помню, какой порядок, какая строгая дисциплина были на любом производстве. О прогулах и даже опозданиях на работу нельзя было и подумать. Настроение у всех нас было одно: не берут пока на фронт, трудом поможем одолеть фашистских захватчиков.

Все мы безгранично верили в победу над фашизмом. Глубоко переживали, когда в начале войны были неудачи на фронте, и радовались, когда слышали сообщения Совинформбюро об успешном наступлении наших войск.

В 1944 г. поступил в Новосибирский авиационный техникум. Начались годы учебы и работы вначале на заводе им. Чкалова,

а позже – в НЭТИ в качестве доцента на электротехническом факультете.

Элеонора Андреевна Устинова

1927 года рождения. Ветеран труда. В НГТУ работала с 1956 по 1991 гг. библиотекарем, зав. абонементом научной литературы

У нас была большая семья: отец, мать, трое детей, бабушка и мамин брат-инвалид. Отец работал бухгалтером в ЖЭУ. В 1937 г. по навету сотрудника он был арестован и расстрелян. (В 1956 г. отец был реабилитирован.)

Когда началась война, я училась в 6-м классе г. Новосибирска. Нас часто посылали на сельхозработы, работали по 12 часов на прополке и уборке овощей, ночевали в сараях, но молодость брала свое и вечерами пели, шутили, сидя у костров, настроение было боевое: верили в победу, надеялись, что мы тоже приближаем победу своим трудом.

В 1942 г. в мае уехала на полевые работы вычислителем в отряд геофизической разведки Сибирского геологического управления. Жили в селе Кольвань. Рабочих нанимали из местных жителей, в основном подростков. Работала с нами девушка Люда, эвакуированная из Ленинграда. Однажды, возвращаясь с работы, зашли в посевы кормовой моркови. Люда поела этой моркови и заболела. Нужна была срочная операция. Когда хирург прибыл из Новосибирска, было уже поздно. Спасти ее не удалось. Я до сих пор помню, как она все время повторяла: «Я хочу жить». Молодая, красивая, и вот ее нет. Это было для меня потрясением.

Вернулись из экспедиции глубокой осенью. Школу пришлось бросить. Старшего брата проводили на фронт. Надо было помогать маме. Из Запорожья в Новосибирск был эвакуирован металлургический завод № 702 (теперь – завод им. Кузмина). Мне удалось устроиться на этот завод в январе 1943 г. Вначале я работала в заводской столовой.

Во время обеда приходили рабочие, в основном подростки, выстраивалась огромная очередь. Мне надо было отрезать от карточки талон и взвесить хлеб. Обслужить надо было быстро и правильно. Опыта у меня не было, поэтому образовалась недостача, которую я покрыла своей карточкой за целый месяц. Меня перевели на должность ученика-лаборанта в цех.

В лаборатории испытывали образцы металла после проката и обжига. В цехе очень жарко, шум и грохот от работы прокатных станов. Раскаленный металл проходил по транспортеру и сворачивался в рулон. Однажды в цехе произошел несчастный случай. Молодой рабочий заснул на остановившемся транспортере, который позже запустили, не проверив. Рабочий погиб. Это был подросток из Запорожья. Дисциплина на заводе была очень жесткая. За опоздание штрафовали или увольняли. Работа начиналась в 8 часов утра. Однажды я проснулась и решила, что уже половина восьмого. Транспорта не было, и я бежала как угорелая. В проходной долго не могла отдышаться. Вахтер меня спрашивает: «Кто за тобой гнался?» До начала работы оставался еще целый час.

Работала на заводе и училась в вечерней школе. Уволиться с завода было невозможно. Но я, закончив вечернюю школу, подала документы в институт. Только тогда смогла уволиться.

Надежда Ивановна Чикова

1923 года рождения. В НГТУ работала с 1970 по 1983 гг. доцентом кафедры политэкономии

В начале войны я добровольно пошла работать медсестрой в эвакогоспиталь № 1496 в г. Омске. В декабре 1942 г. эвакогоспиталь отправился из Омска на фронт. Первая остановка на Калининском фронте – в Князино. Развернули госпиталь, приняли раненых.

Потом наш эвакогоспиталь перевели в Оленино. Отделения госпиталя размещались в землянках, блиндажах, приспособленных под госпитальные палатки. Во Ржеве уцелели бывшие военные казармы, в которых фашисты размещали лошадей и солдат. В солдатских казармах стены были разрисованы порнографическими рисунками. Под наше начало определили пленных, которые чистили конюшни и казармы, соскабливали со стен порнографию. Позже нас перевели в Великие Луки, где шли страшные бои. Великие Луки несколько раз переходили из рук в руки. Отделения госпиталя были развернуты в двух местах, в том числе на железнодорожной станции, в подвалах уцелевших зданий. В эвакопункт раненые поступали с передовой в перерывах между обстрелами из дальнобойных орудий и бомбежками. Мы мыли раненых, меняли белье, перевязывали тяжело раненных и отправляли в другое отделение, легко раненных оставляли в эвакоподразделении санитарями.

Артобстрелы из дальнобойных орудий и бомбежки длились почти непрерывно с 3 по 11 ноября 1943 г. Здесь я подала заявление о приеме в Коммунистическую партию.

Работала палатной медсестрой. В одной из палат лежала старший сержант медсанбата Галя Будашкина. После тяжелой контузии она оглохла, заикалась. Во время больших наплывов раненых мы с ней

спали на одной кровати. Позже, вылечившись, Галя Будашкина осталась у нас медсестрой. До конца войны мы с ней не расставались.

Через 16 лет, приехав в Новосибирск, я встретила здесь Галю. Теперь мы роднее родных. Помогаем друг другу. Она крёстная мать моей некрещеной дочери. Часто вспоминаем трудные дни войны, как мы, молодые девчонки, под бомбами и обстрелами помогали раненым, давали им свою кровь для переливания. Уже под Кёнигсбергом генерал вручил мне медаль «За отвагу».

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» и др.

Иван Петрович Юхатов

1922 года рождения. Полковник в отставке. Участник Парада Победы в Москве в честь 50-летия Победы. В НГТУ работал с 1970 по 1990 гг. преподавателем кафедры истории КПСС

В июле 1941 г. я в числе первых 40 тысяч комсомольцев-добровольцев ушел на фронт. В октябре 1941 г. начал воевать на Волховском фронте в 848-м стрелковом полку 267-й стрелковой дивизии, 52-й, а затем 2-й Ударной армии в должности рядового-политбойца.

На фронте всем было тяжело, но особенно трудно приходилось «матушке»-пехоте. Не случайно солдаты-пехотинцы всегда шутили: «Что такое пехота? Это – сто километров пройдешь и еще охота». Особенно тяжело приходилось нам, пехотинцам, на Волховском болотном фронте, где до сих пор ведутся поиски и перезахоронения погибших. Не забыть, как круглый год в окопах, землянках и блиндажах стояла вода.

Временное преимущество позволило немцам выбрать лучшее расположение для своих войск. Нам же приходилось располагаться в болотистых местах, в которых, казалось, человек не может выжить.

Что же помогло победить противника и выжить в тяжелейших условиях? Без сомнения, любовь к Родине, физическая закалка, высокий морально-психологический настрой, веками сложившаяся русская выносливость, ну и, конечно, вера в победу.

На морально-психологический настрой наших бойцов перед боем влияла военно-политическая обстановка в стране и на фронте. Всех объединяло стремление победить врага.

Внимательно наблюдать за состоянием человека перед боем, находясь с ним рядом в траншее, на исходном рубеже для атаки, я мог неоднократно, особенно в 1941–1942 гг. Мне, комсorghу полка, было видно, как неимоверно психологически тяжело было оторваться от

матушки-земли, выйти из окопа и пойти в атаку навстречу пулям и осколкам.

Как довелось мне подметить, перед боем большинство солдат серьезные, сосредоточены, внимательны друг к другу, пытаются подбодрить товарища, поделиться последним сухарем и закруткой табака. Другие же, напротив скованны, замкнуты. Встречались и такие, что выделялись бесшабашностью, бахвальством. Они бывали возбуждены, непрерывно курили, а иногда старались перехватить лишние фронтовые «сто грамм».

После второго ранения в пехоте я был назначен комсоргом сформированного из молодых солдат 988-го отдельного армейского зенитно-артиллерийского полка, который в 1942-1943 гг. охранял «дорогу жизни» на льду Ладожского озера. Здесь нам пришлось бороться с немецкими стервятниками, которые безжалостно обстреливали, бомбили автомашины с продовольствием для голодающего населения Ленинграда и автомашины с женщинами и детьми, которых вывозили из Ленинграда. Много таких машин было потоплено фашистами.

Сразу же после прорыва блокады Ленинграда 18 января 1943 г. наш полк был поставлен на охрану строящегося железнодорожного моста через Неву в г. Шлиссельбурге. После полного снятия блокады Ленинграда полк охранял от воздушного противника наши войска, освобождавшие Ленинградскую и Псковскую области, Эстонию, Латвию. Участвовали и мы в освобождении городов Луга, Тарту, Рига, Валко-Валга. В мае 1945 г. наш полк участвовал в разгроме 300-тысячной Курляндской группировки, где было пленено более 60 немецких генералов.

На фронте прошел путь от рядового до старшего лейтенанта. После войны обучался на годичных курсах политсостава в г. Риге, а в 1956 г. окончил Военно-политическую академию им. В.И. Ленина.

За боевые действия в годы войны я награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степеней, орденом Красной Звезды и многими медалями.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Победа в Великой Отечественной войне – свидетельство беспримерного подвига советского народа.

Советская страна преградила путь германскому фашизму к мировому господству, вынесла на своих плечах основную тяжесть войны и сыграла решающую роль в разгроме фашистской Германии.

Вооруженные силы СССР продемонстрировали высокое воинское мастерство, невиданные в истории стойкость, мужество и героизм.

Труженики тыла, несмотря на огромные трудности и тяготы военного времени, обеспечивали Красную Армию всем необходимым. С огромным напряжением сил, без отдыха сутками работали в шахтах, стояли у станков, давая фронту военную технику, оружие, боеприпасы.

Сельские труженики также выдержали суровейший военный экзамен, обеспечив фронт продовольствием.

О Великой Отечественной войне написано очень много. Ценность настоящего сборника в том, что он содержит воспоминания *наших* соотрудников – участников войны, тружеников тыла, блокадников. Они внесли свой вклад в Победу, сражаясь на фронте, в партизанских отрядах, самоотверженно, работая в цехах и на полях.

Настоящий сборник воспоминаний будет храниться в музее и библиотеке НГТУ.

В.И. Мащенко,
председатель Совета
ветеранов НГТУ

**НАВСТРЕЧУ 60-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ
СОВЕТСКОГО НАРОДА
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ**

**ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ
СОТРУДНИКОВ НГТУ – УЧАСТНИКОВ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ,
ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА, БЛОКАДНИКОВ**

Редактор *Н.В. Городник*
Технический редактор *Г.Е. Телятникова*
Компьютерная верстка *Н.М. Шуваева*

Подписано в печать 5.11.2004. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.

Тираж 400 экз. Уч.-изд. л. 13,0. Печ. л. 10,0. Изд. № 208. Заказ №

Цена договорная

Отпечатано в типографии

Новосибирского государственного технического университета

630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20